

Юрий Жуков
Вадим Кожин
Юрий Мухин

Загадка 37 года

Классика
русской
мысли

Классика русской мысли

Юрий Мухин

Загадка 37 года (сборник)

«Алисторус»

2010

Мухин Ю. И.

Загадка 37 года (сборник) / Ю. И. Мухин — «Алисторус»,
2010 — (Классика русской мысли)

В чем причина сталинских репрессий 1937 года? Какой был их масштаб? Какую роль они сыграли в истории нашей страны? Ответы на эти вопросы, которые по-прежнему занимают исследователей, политологов, публицистов, да и всех, кому интересно прошлое СССР, – в этой книге трех известных авторов. В книге, представленной вашему вниманию, собраны произведения на данную тему лучших российских авторов. Обширность фактического материала, глубокий его анализ, доступность и простота изложения, необычный взгляд на «загадку 37-го года» — все это присутствует в работах Ю.Н. Жукова, В.В. Кожина и Ю.И. Мухина; работах, по праву признанных классикой современной русской общественной мысли.

© Мухин Ю. И., 2010

© Алисторус, 2010

Содержание

В.В. Кожин	5
Часть 1	5
Часть 2	11
Часть 3	25
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Юрий Жуков, Вадим Кожинов, Юрий Мухин Загадка 37-го

В.В. Кожинов
1937 год

Часть 1 **Вожди и история**

К сожалению, в литературе о революции большое место занимают чисто «субъективистские» толкования. Со времени известного XX съезда партии все сводили к злодейской личной воле Сталина, а в последнее время достаточно широко распространилось аналогичное истолкование гибели людей в первые годы революции, когда роль чудовищного злодея исполнял Ленин.

Характерный образец такого истолкования – книга Владимира Солоухина «При свете дня», изданная в 1992 году в Москве, но, как сообщается на последней ее странице, «при участии фирмы «Belka Trading Corporation» (США)». У нашего известнейшего писателя есть свои очень весомые заслуги, но все же не могу умолчать, что данная его книга отнюдь не несет в себе того «света», который обещает ее заглавие. «Методология», сконструированная в многочисленных сочинениях о Сталине, предстает здесь даже в утрированном виде. Так, «причина» коллективизации «освещена» здесь следующим образом: «Сталину, постоянно бежавшему и скрывавшемуся от полиции (до 1917 года. – В.К.), в каждом бородатом мужике чудился враг, смертельный враг, готовый всякую минуту мгновенно кинуться ему под ноги... Свалить на землю, скрутить и сдать потом в полицию... И... дорвавшись до власти, Сталин именно на мужике начал вымещать, пусть с опозданием, всю свою злобу и обиды...». Вот, оказывается, где корни трагедии 1929—1933 годов! Но в таком случае будет логичным сделать вывод, что виноваты сами «бородатые мужики»: не сдавали бы в свое время смутьянов в полицию, и Сталин не устроил бы им коллективизацию...

Не менее «замечательно» предложенное в книге «При свете дня» объяснение гигантских жертв и бедствий первых послереволюционных лет: причина-де в том, что Россией правил «человек с больным, пораженным мозгом, а значит... и с больной психикой... С агрессивными наклонностями... По личным распоряжениям, по указаниям, приказам Ленина уничтожено несколько десятков миллионов россиян» (с. 187, 189, 190).

Началось это уничтожение, утверждает В. Солоухин, уже в первые минуты власти Ленина – в ночь с 25 на 26 октября (7—8 ноября) 1917 года, когда по приказу вождя в Зимнем дворце арестовали министров Временного правительства и, «не мешкая ни часу, ни дня, посадили их в баржу, а баржу потопили в Неве» (с. 161—162). Дело не только в том, что перед нами непонятно откуда взявшаяся выдумка; не менее прискорбно искажение картины реального бытия русских людей в революционную эпоху: потопили баржу – и дело с концом, между тем как и движение истории в целом, и судьбы отдельных людей являли собой исполненную прямо-таки невероятных поворотов и противоречий драму.

Ведь в действительности все пятнадцать арестованных в Зимнем дворце в 01.50—02.10 час. 26 октября (8 ноября) 1917 года министров Временного правительства (последнего

его состава) были вскоре же освобождены, и большинство из них прожили долгую и по-своему содержательную жизнь. Так, министр исповеданий А. В. Карташев эмигрировал, был одним из наиболее выдающихся историков Православия и умер в 1960 году в Париже в возрасте 85 лет. А его коллега министр путей сообщения А. В. Ливеровский никуда не уехал, играл немалую роль в транспортных делах страны, в том числе в героическом строительстве «Дороги жизни» во время немецкой блокады Ленинграда, – города, где он и скончался уважаемым человеком в 1951 году в возрасте 84 лет.

Вообще же из пятнадцати арестованных 26 октября министров семь остались в России, а восемь эмигрировали. Живший во Франции военно-морской министр адмирал Д. Н. Вердеревский в 1945 году явился в посольство СССР, пил там за здоровье Сталина и даже успел стать гражданином СССР, хотя в 1946-м его постигла смерть (ему было 73 года). А исполнявший (в последние дни существования Временного правительства) обязанности военного министра генерал А. А. Маниковский не пожелал эмигрировать и стал – ни много ни мало – начальником снабжения Красной армии, правда, ненадолго: в 1920 году он погиб в железнодорожной аварии.

Конечно, часть оставшихся в России министров не избежала репрессий, но умер насильственной смертью, насколько известно, только один из них – министр земледелия С. Л. Маслов. До 1929 года он был видным деятелем российской кооперации («Центросоюза»), а также преподавал в Московском университете и других высших учебных заведениях. В 1930-м его отправили в ссылку, в 1934-м он вернулся в Москву, но 20 июня 1938 года был расстрелян НКВД.

Словно ради некоей трагической симметрии казнь постигла также и одного из эмигрировавших – министра-председателя Экономического совета С. Н. Третьякова – внука одного из создателей Галереи С. М. Третьякова: в декабре 1943 года он был расстрелян (согласно другим сведениям, ему отсекли голову) немецкими нацистами как виднейший тогда агент советской (!) контрразведки в Париже (он стал им еще в 1929 году – как раз в тот момент, когда в Москве его коллегу Маслова отстранили от руководящей работы в кооперации).

Владимир Солоухин зачем-то решил мгновенно отправить на невшское дно всех этих людей с их удивительными судьбами (я сказал о шести из пятнадцати министров, но и истории остальных достаточно яркие). Нельзя не опровергнуть еще одно совершенно ложное утверждение В. Солоухина. Он пишет, что-де «в первом составе Совета Народных Комиссаров соотношение евреев к неевреям 20:2» (с. 212). Между тем абсолютно точно известно, что в этом «первом составе» (утвержденном 26 октября) из 15 наркомов евреем был только один – Л. Д. Бронштейн (Троцкий), если не считать «еврейских корней» Ленина (евреем был его дед по материнской линии Бланк). Сравнительно небольшой оставалась доля евреев и в последующих составах Совнаркома – вплоть до середины 1930-х годов, когда около половины наркомов (но все же не девять десятых, как уверяет В. Солоухин) были евреями, в том числе наиболее важные наркомы внутренних и иностранных дел, путей сообщения, внешней торговли, оборонной промышленности и т. д.

Это вообще непростая и по-своему чрезвычайно интересная тема, к которой мы еще специально обратимся. Что же касается «информации», предлагаемой в книге «При свете дня», остается только руками развести – откуда такое берется?!

Как ни прискорбно, подобные вещи встречаются на многих страницах книги Владимира Солоухина, хотя несправедливо было бы умолчать, что то же самое характерно едва ли не для большинства нынешних сочинений о 1920—1930-х годах. Владимир Солоухин утверждает, что в 1918 году Ленин «бросил крылатую фразу: пусть 90% русского народа погибнет, лишь бы 10% дожили до мировой революции. Тогда-то заместитель Дзержинского Лацис (на деле – пред. ЧК 5-й армии. – В.К.)... опубликовал в газете «Красный террор» 1 ноября 1918 года своеобразную инструкцию всем своим подчиненным: "...Мы истребляем буржуазию как класс..."

Не ищите на следствии материала и доказательств того, что обвиняемый действовал делом или словом против советской власти"...» (с. 145—146).

Но, во-первых, сия «крылатая фраза» принадлежит не Ленину, а Г. Е. Зиновьеву, который к тому же говорил все-таки о гибели 10, а не 90%, а, во-вторых, ознакомившись с тем самым журналом (а не газетой) «Красный террор», Ленин тут же не без резкости заявил: «... вовсе не обязательно договариваться до таких нелепостей, которую написал в своем казанском журнале «Красный террор» товарищ Лацис... на стр. 2 в № 1: «не ищите (!?) в деле обвинительных улик о том, восстал ли он против Совета оружием или словом...» (Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 310).

Вообще нетрудно доказать, что Ленин как человек, стоявший во главе всего, вел себя «умереннее» многих деятелей того времени и не раз стремился занять «центристскую» позицию, хотя Владимир Солоухин голословно утверждает обратное. Доказательства ленинской «умеренности» еще будут приведены, а пока скажу о самом существенном.

В книге «При свете дня» многократно повторяется, что, мол, «болезнь мозга... в зрелом возрасте Владимира Ильича развила в нем чудовищную, бешеную, не знающую никаких преград агрессивность. Если бы больной сидел дома под присмотром родных – это одна картина. Но он волею судеб сделался диктатором над сотнями миллионов людей. И полились реки крови...» (с. 50). Притом диктатор «сидел в Кремле, защищенный... высокими зубчатыми стенами» (с. 78), и потому, мол, злодействовал без всякого риска.

Вот такое «толкование» истории... При этом как бы полностью исчезает бушевавшая в России в 1917—1922 годы революция, о которой Сергей Есенин сказал в 1924 году:

Тот ураган прошел. Нас мало уцелело...

Тот ураган был небезопасен и для самого Ленина. Широко известно только одно покушение на его жизнь – 30 августа 1918 года. Но еще 1(14) января этого года автомобиль, в котором Ленин ехал по центру Петрограда, был обстрелян залпом из нескольких винтовок, и лишь находчивость сидевшего рядом соратника спасла вождя: рука, которой спаситель мгновенно пригнул голову Ленина, была задета пулей... Через четыре дня, 5(18) января, Ленин отправился разгонять Учредительное собрание, и ему, ввиду опасности, вручили револьвер, который был тут же у него украден и возвращен лишь на следующий день после настойчивых розысков. Далее, 10 марта в обстановке строжайшей секретности Ленин переезжает из опасного Петрограда в Москву, и ему преграждает путь эшелон, переполненный анархически настроенными матросами; положение спасает сопровождающий беглецов вышколенный батальон латышских стрелков, без которых Ленин вообще едва ли уцелел бы в 1918—1919 годах.

9 июля 1918 года автомобиль Ленина был обстрелян из револьверов у Николаевского (позднее Октябрьского) вокзала в Москве. 30 августа его – что общеизвестно – тяжело ранили. А 19 января 1919 года его автомобиль около Сокольников остановил знаменитый тогда, пользуясь нынешним словечком, «авторитет» Кошельков: предсовнаркома Ленин был вышвырнут (буквально) из своей машины, у него отняли бумажник и револьвер, а машину угнали и т. д.

Все это показывает, в какой стране, в каком мире правил диктатор... И я обратился к вышеизложенным фактам отнюдь не для того, чтобы вызвать «сочувствие» к Ленину и, тем более, как-то «оправдывать» его действия; цель моя только в воссоздании истинного положения в послереволюционной России. Ураган, бушевавший в стране, был настолько всепроникающим, что и всевластный, казалось бы, диктатор не мог избежать его смертоносного натиска.

Атмосфера революции создавала достаточно напряженное положение и внутри самой власти. Хорошо известно, что любое существенное «решение» Ленина в 1917—1921 годах резко оспаривалось многими его соратниками, и ему приходилось вести нелегкую борьбу. Когда же в 1922 году его ослабила тяжелая болезнь, он не раз «проигрывал».

Владимир Солоухин возмущенно говорит в своей книге, что в составе высшей революционной власти, которая объявила себя властью «рабочих и крестьян», «один только был экс-рабочий – М. И. Калинин, да и то его держали для вывески» (с. 81). Это действительно так, но В. Солоухин умалчивает (или же не знает), что в 1922 – начале 1923 года именно Ленин пытался кардинально изменить положение дел. В его последних сочинениях, известных под названием «Завещание», главная, стержневая мысль – мысль о необходимости безотлагательно передать верховную власть «рабочим и крестьянам, поставив их во главе нашей партии» (т. 45, с. 345); притом Ленин подчеркивал, что это должны быть рабочие и крестьяне, «стоящие ниже того слоя, который выдвинулся у нас за пять лет» (с. 348).

Когда говорят о «завещании» Ленина, как правило, сосредоточивают все внимание на содержащейся в нем «сенсационной» критике главных «вождей», особенно Сталина. Однако Ленин начал свое «завещание» заявлением о необходимости «предпринять... ряд перемен в нашем политическом строе (а не перемен в личном составе руководства. – В.К.)... В первую голову я ставлю увеличение числа членов ЦК до нескольких десятков или даже до сотни» (с. 343); в ЦК тогда числилось 27 человек, и Ленин далее объявил, что в новый орган высшей власти следует «выбрать 75—100... новых членов... из рабочих и крестьян» (с. 384), которые, следовательно, должны были занять три четверти (!) мест в этом всевластном органе.

И вот что поистине примечательно: «опасный» и потому засекреченный элемент ленинского «завещания» обычно усматривают в критике «вождей», а ведь в основе своей эта критика стала общеизвестной из ряда публикаций уже в 1927 году. Между тем важнейшие суждения Ленина о необходимости «передачи» власти из рук профессиональных революционеров в руки рабочих и крестьян были опубликованы только в 1956 году! Правда, в 1923 году появилась в печати ленинская статья «Как нам реорганизовать Рабкрин», но, во-первых, ее публикация поначалу вызвала решительное сопротивление всей партийной верхушки (собирались даже напечатать единственный спецэкземпляр «Правды» с этой статьей для успокоения Ленина), во-вторых, в этой статье главная мысль Ленина не выступала с такой ясностью, как в других его тогдашних текстах, и, наконец, сразу же после опубликования статьи в парторганизации было разослано письмо Политбюро и Оргбюро ЦК, в котором ленинская статья, по сути дела, дискредитировалась как полубред тяжелобольного человека.

Но важнее всего, конечно, тот факт, что настоятельное предложение Ленина ни в коей мере не было реализовано, хотя он видел в нем «шаг государственной важности» (с. 483). Вообще, как уже сказано, с самого начала тяжелой болезни Ленина его власть стали все более урезывать. Подчеркну еще раз, что, излагая факты, я не оцениваю (по крайней мере, пока не оцениваю) их, не ставлю вопроса о «правоте» или «неправоте» какого-либо деятеля; речь идет только о характеристике реального положения в революционной России – положения, которое определяло судьбу и рядовых граждан, и самого Ленина.

* * *

Целесообразно еще раз сказать о существеннейшей «поправке» к подавляющему большинству нынешних рассуждений о варварстве и жестокости революционной политики. Как правило, эти крайне прискорбные явления пытаются объяснить, исходя из характера того или иного деятеля, – характера, так сказать, политического и идеологического (хотя подчас выдвигается уж совсем поверхностная точка зрения, сводящая все к чисто индивидуальной психике, как в цитированной книге В. Солоухина). Отсюда и проистекает возложение всей «вины» на Сталина, а в последнее время – и на Ленина.

Между тем варварство и жестокость были порождены самим существом революционной эпохи. В связи с этим стоит еще раз вспомнить о Бухарине, которого постоянно сопоставляют со Сталиным. Нет сомнения, что Бухарин был если и не «мягким» (как заявляют его аполо-

геты), то, уж во всяком случае, не столь уж «решительным» человеком, склонным к колебаниям и сомнениям (так, в 1918-м он являлся «самым левым» коммунистом, а в 1928-м – «самым правым»). Однако и его политическое поведение определялось общей атмосферой эпохи и было в конечном счете не менее «жестоким», чем у других руководящих лиц. К сожалению, внедренный в умы «либеральный» бухаринский «имидж» заставляет многих попросту закрывать глаза на реальные факты.

Так, например, бывший министр юстиции В.А. Ковалев издал книгу, повествующую прежде всего о грубейших нарушениях правовых норм в 1920—1930-х годах (Ковалев В. Два сталинских наркома. М., 1995). Он размышлял, в частности, об известном Шахтинском деле 1928 года – о «вредителях» в Донбассе:

«Задолго до суда и даже до окончания предварительного следствия с изложением своей оценки Шахтинского дела выступил Сталин. В докладе на активе Московской партийной организации 13 апреля 1928 года этому делу он посвятил целый раздел: «Факты говорят, что Шахтинское дело есть экономическая контрреволюция, затеянная частью буржуазных спецов, владевших ранее угольной промышленностью. Факты говорят далее, что эти спецы, будучи организованы в тайную группу, получали деньги на вредительство от бывших хозяев, сидящих теперь в эмиграции, и от контрреволюционных антисоветских организаций на Западе».

Так задолго до судебного разбирательства и вынесения приговора, – возмущался В.А. Ковалев, – факты были установлены, акценты расставлены, выводы сделаны... Вся последующая судебная процедура заведомо превращалась в фикцию. Для того чтобы правильно понять мотивы... прямого и открытого вмешательства в деятельность уголовной юстиции по конкретному делу, следует иметь в виду политическую ситуацию, сложившуюся в то время в стране. Все большее распространение приобретали идеи так называемых «правых» уклонистов во главе с Бухариным, Рыковым, Томским»...

Итак, с одной стороны, злодей Сталин, организующий Шахтинское дело, к тому же, как оказывается, для противостояния «правым», а с другой – «невинные» Бухарин и его сподвижники Рыков и Томский. Но на самом деле, во-первых, именно ближайший единомышленник Бухарина М. П. Томский возглавлял комиссию ЦК, расследовавшую «вредительство» в Донбассе, а, во-вторых, в один день со Сталиным, 13 апреля 1928 года, Бухарин сделал доклад «Уроки хлебозаготовок, Шахтинского дела и задачи партии», где «расставил акценты» намного хлеще, чем Сталин!..

В Донбассе, заявил Бухарин, «при помощи рядовых рабочих раскрыли вредительскую организацию, которая через ряд посредствующих звеньев была связана с иностранным капиталом, с крупными иностранными капиталистическими организациями, с эмигрантскими кругами, наконец, с военными штабами некоторых иностранных держав. Она состояла в значительной мере из бывших собственников соответственных шахт и рудников, причем некоторые из них имели очень гнусный контрреволюционный стаж... Она состояла из белогвардейских инженеров и техников, из которых многие оказались бывшими деникинцами, некоторые – бывшими контрразведчиками Деникина... Они имели связь через некоторых иностранных инженеров с заграницей, причем некоторые из этих инженеров оказались членами фашистских организаций... Идеологией этой организации являлось свержение Советской власти, восстановление капиталистического режима... Ближайшей их задачей была решительная спекуляция на войне и на новой интервенции... не исключена возможность существования организаций, подобной этой, в других областях; нет гарантии, что такая гнусность не завелась в военной промышленности или в химической; хотя прямых данных для этого предположения нет...».

Таким образом, Бухарин далеко «превзошел» Сталина и, между прочим, как бы разработал сценарий того «разоблачения», которое было применено через десять лет к нему самому... Естественно, и конкретное «решение» Бухарина по Шахтинскому делу было более жестоким, чем Сталина. Очень симпатизировавший Бухарину историк М.Я. Гефтер все же, в силу своей

объективности, привел бухаринский рассказ о заседании Политбюро (Гефтер М. Апология слабого человека. «Российская провинция», 1994, № 5), на котором утверждался приговор по Шахтинскому делу: «Он, – сказал Бухарин о Сталине, – предлагал ни одного расстрела по Шахтинскому делу (мы голоснули против)». Мы – это Бухарин, Рыков и Томский, к которым присоединилось большинство Политбюро. «...»Правые», стало быть, за расстрел. И чем побуждаясь? – вопрошал в своей статье М.Я. Гефтер. – В пику Сталину? Блюдя в чистоте заповедь классовой борьбы?...».

Принято считать, что Сталин отказывался от жестоких решений только ради «игры». Допустим даже, что это так. Допустим и то, что тройка «правых» также проголосовала за расстрел ради «игры» – «в пику Сталину». Но это-то и обнаруживает с особенной наглядностью суть сознания и поведения руководителей революционной эпохи: они, не дрогнув, готовы расстрелять кого угодно и ради чего угодно... Когда 25 августа 1936 года были казнены Зиновьев и Каменев, Бухарин написал об этих людях, с которыми была теснейшим образом связана вся его жизнь: «Что расстреляли собак – страшно рад».

Могут сказать, что эти слова вызваны стремлением «отмежеваться» от «врагов народа». Но в чрезмерной резкости проступает привычная для Бухарина готовность без каких-либо тревожений «голоснуть» (по его словечку!) за убийство людей.

И это не «личная» черта, а типовой признак всех вождей революции, то есть черта историческая, которую бессмысленно специально выискивать в Сталине или Ленине и пытаться «не замечать» в том же Бухарине...

Часть 2

Роль евреев в послереволюционной России

А теперь перейдем к вопросу, с давних пор возбуждающему острейшие споры и порождающему самые разные, нередко прямо противоположные ответы. Полярность ответов на поставленный вопрос особенно очевидна в наше время: одни утверждают, что в октябре 1917 года в России устанавливается чисто «еврейская власть», что большевики того времени – это либо евреи, либо послушные исполнители их воли, а другие, напротив, что большевистская власть была враждебна евреям, что к власти в Октябре пришли люди, которых уместно даже назвать «черносотенцами»...

Так, имеющий влияние на Западе автор, Дмитрий Сегал (в 1970-х годах эмигрировал из России в Израиль), опубликовал в 1987 году в парижском альманахе «Минувшее» (выпуски которого массовым тиражом переиздавались в Москве) пространную статью, призванную, так сказать, открыть глаза на факты, которые доказывают-де, что Октябрьский переворот (в отличие от Февральского) сразу же привел к жестоким гонениям на евреев. В начале статьи ее задача четко сформулирована: «Обратить внимание исследователей... на дополнительные факты, которые лишь теперь начинают собираться в осмысленную картину...».

Собранные в статье «факты» в самом деле способны произвести сильное впечатление на неподготовленного читателя. Так, оказывается, уже 28 ноября (11 декабря) 1917 года – то есть через месяц после большевистского переворота – один из виднейших меньшевиков А.Н. Потресов заявил на страницах газеты «Грядущий день» что «идет просачивание в большевизм черносотенства». Чуть позднее, 3(16) декабря, некто В. Вьюгов публикует в популярной эсеровской газете «Воля народа» статью, где речь идет уже не о «просачивании», а о тождестве большевизма и черносотенства; статья так и названа: «Черносотенцы-большевики и большевики-черносотенцы», и автор «разгадывает» в ней «черносотенную политику Смольного», обитатели которого, по его словам, «орудуют вовсю... восстанавливая старый (то есть дофевральский! – В.К.) строй».

«Той же общей теме разгула черносотенной, охотнорядской стихии в революции, – продолжает Дмитрий Сегал, – посвящают свои статьи в газете партии народной свободы (то есть кадетской. – В.К.) «Наш век» в номере от 3 декабря 1917 года А. С. Изгоев («Путь реставрации») и Д. Философов («Русский дух»)».

Далее, 17 января 1918 года широко известный тогда (в частности, своей необычайной переменчивостью) литератор А.В. Амфитеатров ставит задачу «конкретизировать» образ большевика-черносотенца, и Дмитрий Сегал так излагает содержание его статьи, опубликованной в газете «Петроградский голос» под названием «Троцкий-великоросс»: «Амфитеатров выступает с опровержением традиционно принятого тогда в некоторых кругах мнения о чуждости Троцкого России, о том, что он – «иностранец». Напротив, говорит автор... беда как раз в том, что Троцкий слишком хорошо усвоил типичные черты великоросса, причем великоросса-шовиниста».

Наконец, Дмитрий Сегал как бы демонстрирует позднейшие «плоды» деятельности Троцкого и других обитателей Смольного, цитируя опубликованный 14 июня 1918 года (то есть через восемь месяцев после Октября) в либеральной газете «Молва» очерк С. Аратовского из цикла «Белые ночи и черные дни». Очеркист рассказывает, как «собираются пестрыми толпами голодные люди на Знаменской площади:

– Помитинговать, што ль, немножко?...

Против всех протестуют, но на «жидах» все соглашаются, как один. И не только свободные граждане, но и красногвардейцы охотно поддакивают им.

– Конечно, жида много портят. Они социализму вредят, потому ведь в банках – жида, в газетах – жида... А при настоящей коммуне – перво-наперво, конечно, всех жидов потопить...».

В последнем тексте есть, правда, деталь, явно противоречащая «концепции», которую пытается обосновать Дмитрий Сегал: очеркист отмечает, что «красногвардейцы» только «поддакивают». А ведь, казалось бы, именно красногвардейцы, вдохновляемые «черносотенной политикой Смольного», должны были выступать как инициаторы борьбы с вредящими социализму «жидами»...

Неизбежно возникает и еще одно недоумение по поводу этих цитат из антибольшевистских газет конца 1917 – начала 1918 года: ведь в том самом Смольном (откуда исходила-де «черносотенная политика») заседал тогда всевластный ЦК РКП(б), около трети членов которого составляли евреи: Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев, Я.М. Свердлов, Г.Я. Сокольников, Л.Д. Троцкий, М.С. Урицкий. Еще более «еврейским» был верховный, с формальной точки зрения, орган власти – Президиум Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов (ВЦИК), избранный 26 октября 1917 года: из шести его большевистских членов четверо были евреи – В. Володарский, Каменев, Свердлов и Ю.М. Стеклов, чья настоящая фамилия – Нахамкис (кроме них в Президиум были избраны еще два большевика – поляк Дзержинский и латыш Стучка; русских там не имелось вообще).

Но Дмитрий Сегал на последней странице своей статьи стремится, так сказать, рассеять это недоумение. Он цитирует газету «Вечерний час» от 27 ноября (10 декабря) 1917 года, опубликовавшую изложение речи видного еврейского деятеля М.С. Шварцмана на состоявшемся накануне в Петрограде «митинге сионистов»:

«Мы хотим, чтобы за тех отщепенцев еврейства, которые сейчас играют отвратительную роль насильников, отвечал не весь еврейский народ, а чтобы такие насильники были ответственны за свои преступления перед всем народом» (имеется в виду еврейский народ. – *В.К.*) ... Оратор не называл имен (комментирует газета. – *В.К.*), но чуткая аудитория узнала в этой реплике гг. Нахамкисов, Бронштейнов и пр.».

Многие наверняка воспримут сегодня это заявление сиониста М.С. Шварцмана как «хорошую мину при дурной игре», ибо широко распространено представление, согласно которому сионисты – это и есть, так сказать, наиболее «опасная» для России часть евреев, и Троцкого и других большевистских вождей еврейского происхождения сплошь и рядом зачисляют именно в «сионисты», нередко даже противопоставляя их иным, не проникнутым сионистской идеологией евреям, которые, мол, не наносили столь большого вреда России.

Но такое представление обусловлено, увы, элементарным незнанием исторических фактов. Здесь невозможно обсуждать вопрос о сионизме вообще и, в особенности, о его современном, сегодняшнем значении и роли в мире. Если же говорить о месте сионизма в революционной России, о деятельности российских сионистов в 1900—1920-х годах, нет никаких оснований усомниться в искренности приведенных только что высказываний М.С. Шварцмана.

Сионист М.С. Шварцман определил оказавшихся у власти в октябре 1917 года евреев как играющих «отвратительную» роль «отщепенцев» и «преступников». Могут возразить, что гонения на сионистов со стороны большевистской власти и позже были явно и гораздо менее последовательными и жестокими, нежели гонения на национально мыслящих русских людей. Это действительно так, и имелись, очевидно, две причины более «мягкого» отношения власти к еврейским «националистам». Во-первых, противостояние власти и сравнительно немногочисленных (в соотношении с русскими) национально ориентированных евреев не представляло грозной опасности для большевиков, а во-вторых, сказывалось, конечно, единство происхождения, племенная солидарность. Вот характерный факт. В 1920 году группа деятелей еврейской культуры во главе с крупнейшим поэтом Х.Н. Бяликом решила эмигрировать

из Советской России. И ходатайствовать о разрешении на отъезд берется еврей-меньшевик И.Л. Соколовский – родной брат первой жены Троцкого, в молодости друживший со своим впоследствии столь знаменитым зятем. Однако, советуясь с людьми, которые были осведомлены о послереволюционной деятельности Троцкого, Соколовский «узнал множество фактов о жестокости Троцкого», о том, что он «нес ответственность за террор и казни ЧК», и отказался от своего намерения встретиться с бывшим зятем. Но далее делу все же помог другой еврей – большевик, который ранее был национально мыслящим и, даже став впоследствии большевиком, продолжал в высшей степени ценить поэзию сиониста Бялика. В конце концов поэт благополучно эмигрировал вместе со всей своей группой.

В этой истории просматривается многозначность проблемы. Если же говорить о ходе событий в самом общем плане, нельзя не признать, что российские сионисты после революции либо эмигрировали, либо, оставаясь под властью большевиков, рисковали подвергнуться репрессиям, что и постигло многих из них в 1920—1930-х годах.

Как уже сказано, речь идет здесь не о сионизме вообще и не о его деятельности на всем протяжении нашего века, а только о судьбе сионистов в России в первые послереволюционные годы. Несмотря на то, что еврейская племенная солидарность облегчала эту судьбу, совершенно ошибочно все же «объединять» сионистов и евреев-большевиков (и тем более отождествлять их!), хотя подобная тенденция, увы, очень широко распространена сегодня.

Так что Дмитрий Сегал в той или иной мере справедливо разграничивает национальное еврейство и большевистских вождей-евреев, – «отщепенцев», боровшихся против «национального» вообще. Но в то же время едва ли хоть сколько-нибудь основательна его попытка усмотреть в большевистской власти нечто «черносотенное». Он, кстати сказать, приводит в своей статье отнюдь не реальные факты (как он обещал в начале), подтверждающие его точку зрения, а чисто субъективные мнения представителей различных политических партий, находившихся тогда в остром конфликте с захватившими власть большевиками. В цитируемых им антибольшевистских статьях использован весьма нехитрый, в сущности, прием идеологической борьбы: поскольку к 1917 году в общественное сознание было внедрено крайне негативное представление о «черносотенцах», сближение или прямое отождествление с ними большевиков призвано было полностью дискредитировать последних.

Повторю еще раз, что большевики (в том числе и еврейского происхождения) в самом деле были чужды или даже враждебны сионизму и вообще собственным национальным устремлениям евреев, но объявление Троцкого «великороссом-шовинистом» в полном смысле слова нелепо, и Дмитрий Сегал, всерьез ссылаясь на подобное «откровение», по сути дела, ставит себя в смешное положение...

Фигура Троцкого имеет, в сущности, центральное значение для понимания обсуждаемого вопроса – и по той исключительно важной роли, которую он играл в первые послереволюционные годы (его тогдашнее место в большевистской иерархии – сразу вслед за Лениным и Свердловым, к тому же последний умер уже в начале 1919 года), и в силу того, что он был, несомненно, «умнее» многих других большевистских «вождей».

Однако, прежде чем сосредоточиться на этой фигуре, следует вернуться к цитированному выше изложению речи сиониста М.С. Шварцмана, назвавшего большевиков-евреев «отщепенцами» и заявившего, что еврейский народ не несет за них ответственности, – напротив, они сами несут ответственность перед этим народом за свои «преступления».

Как уже сказано, Троцкий и другие «водители» действительно были «отщепенцами» еврейства, – хотя ныне многие стремятся увидеть в них чуть ли не сионистов. В 1923 году группа видных еврейских деятелей, эмигрировавших из большевистской России, издала в Берлине сборник статей «Россия и евреи», который достаточно убедительно продемонстрировал их неприятие большевизма и принадлежащих к нему евреев.

Но в то же время без особо сложного раздумья можно понять, что сионист М.С. Шварцман – пусть сам он даже и не осознавал это с полной ясностью – все же считал Троцкого и других евреями (хотя и «отщепенцами»): ведь, отрицая ответственность за них еврейского народа, он вместе с тем возлагал на них ответственность именно перед этим народом!

И сам Троцкий (как и другие деятели его типа) испытывал вполне очевидное чувство ответственности перед своими одноплеменниками, – хотя он и утверждал (эти его слова уже цитировались), что «национальный момент» не играл в его жизни «почти никакой роли» и интернационализм «всосался» в самую его «плоть и кровь». Что дело обстояло иначе, ясно хотя бы из статьи страстного современного апологета Троцкого В.З. Роговина, который приводит целый ряд высказываний своего кумира, недвусмысленно свидетельствующих о весьма неравнодушном отношении к судьбе одноплеменников. Так, Троцкий возмущался даже тогда, когда «при судебных процессах взяточников и других негодяев» выдвигались «еврейские имена на первый план». Нет никакого сомнения, что Троцкому даже не могло бы прийти в голову гневаться в тех случаях, когда «на первом плане» оказывались «негодяи» с какими-либо иными национальными именами...

Описанное В.З. Роговиным возмущение Троцкого имело место в 1925 году. Ранее, во время гражданской войны, когда Троцкий был всевластным «предреввоенсовета», он не просто «возмущался». Известно, что в казачестве к началу XX века так или иначе сохранилась давняя «традиция» (разумеется, глубоко прискорбная, варварская) грабежа попавшихся на его боевом пути селений. В 1920 году во время боев с «белополяками» находившиеся в составе красных конных армий казаки подчас грабили еврейские местечки. И участник похода на Польшу Исаак Бабель свидетельствовал, что в результате «300 казаков, наиболее активных участников погромов, были по распоряжению Троцкого расстреляны». В своей «Конармии» сам Бабель не раз упоминал, что казацкая «вольница» в тех или иных случаях вела себя варварски в отношении любого населения; но нет никаких сведений, что Троцкий принимал столь беспощадные, «чрезвычайные» меры ради возмездия за обиду каких-нибудь других людей, кроме евреев...

* * *

При уяснении роли евреев в большевизме часто утверждают, что их было все же весьма немного, и, следовательно, они, мол, не могли в большой мере определять жизнь страны. Скажем, американский «русовед» Уолтер Лакер, даже признав, что «евреи составляли высокий процент большевистского руководства», тут же пытается посеять сомнение относительно этого факта: «Однако из пятнадцати членов первого Советского правительства тринадцать были русские, один грузин и один еврей». Это действительно так (хотя для точности отмечу, что нарком продовольствия в первом правительстве И.А. Теодорович – не русский, а поляк, к тому же выросший, согласно его собственному рассказу, в националистически и антирусски настроенной семье). Однако правительство имело тогда в иерархии власти в прямом смысле слова третьестепенное значение (так, даже в справочных сведениях о власти сначала указывался ЦК с его Политбюро, затем ВЦИК Советов и лишь на третьем месте – Совнарком).

Немаловажен и тот факт, что в предшествовавшем Советскому Временному правительстве из 29 человек, побывавших на постах министров, 28 были русские, 1 – грузин (меньшевик И.Г. Церетели) и ни одного еврея, – хотя во главе тех партий, чьи представители становились тогда министрами, евреев было немало. Но, например, один из главных эсеровских лидеров, А.Р. Гоц, которому предлагали войти во Временное правительство, «и слышать не хотел вообще ни о каком министерском poste; свой отказ он мотивировал еврейским происхождением».

Точно так же – возможно, не без «подражания» А.Р. Гоцу – способный к предвидению Троцкий настаивал, что «в первом революционном правительстве не должно быть ни одного еврея, поскольку в противном случае реакционная пропаганда станет изображать Октябрьскую революцию «еврейской революцией»...». Комментируя эту «позицию» Троцкого, его нынешний горячий поклонник В.З. Роговин стремится, в частности, убедить читателей в том, что Лев Давидович был-де лишен властолюбия, имел твердое намерение «после переворота остаться вне правительства и... Согласился занять правительственные посты лишь по настойчивому требованию ЦК».

Но эти рассуждения рассчитаны на совершенно простодушных людей, ибо ведь Троцкий никогда не отказывался от членства в ЦК и Политбюро, а член Политбюро стоял в иерархии власти несоизмеримо выше, чем любой нарком! И Троцкий, кстати сказать, не скрывал своего крайнего негодования, когда его в 1926 году «освободили от обязанностей члена Политбюро»...

Забегая вперед, стоит отметить, что отсутствие евреев после 1926 года в Политбюро (кроме одного лишь введенного в его состав в 1930 году Л.М. Кагановича) объяснялось вовсе не «антисемитизмом» (хотя многие толкуют это именно так), а как раз напротив, стремлением не пробуждать в стране противоеврейские настроения, поскольку в середине 1920-х годов всем стало ясно, что верховная власть сосредоточена отнюдь не в правительстве, не в Совнаркоме, а в Политбюро. В высшей степени характерно, что если в 1920-х годах в составе правительства – особенно во главе ведущих наркоматов – было не так уж много евреев, то в 1930-х дело обстояло обратным образом: наркомом внутренних дел стал Ягода, иностранных – Литвинов-Валлах, внешней торговли – Розенгольд, путей сообщения – Рухимович, земледелия – Яковлев-Эпштейн, председателем правления Госбанка – Калманович и т. д. К этому времени, повторяю, все понимали, что высшей властью в стране является не Совнарком, а Политбюро, которому всецело подчинены эти наркомы-евреи. Иначе обстояло дело в первые послереволюционные годы. Так, в сентябре 1922 года встал вопрос о введении поста «первого заместителя председателя Совнаркома», который в периоды обострения болезни Ленина должен был автоматически заменять его. На этот пост прочили Троцкого, но он, по его же признанию, «решиительно отказался... чтобы не подать нашим врагам повода утверждать, что страной правят еврей». Между тем впоследствии, в 1930—1940-х годах, заместителями председателя Совнаркома назначались – кроме пресловутого Кагановича – Землячка-Залкинд и Мехлис, но на этом основании не могло возникнуть представление, что евреи правят страной; ведь этих деятелей (в отличие от членов Политбюро, даже портреты которых приобрели всеобщее «ритуальное» значение) и знали-то не столь уж широкие слои населения СССР.

Впрочем, есть еще и иная сторона проблемы. Троцкий, как мы видим, отказался от поста первого заместителя Предсовнаркома, дабы, мол, нельзя было утверждать, что «страной правят еврей». Однако лучший современный исследователь жизненного пути Троцкого, Н.А. Васецкий, показал, что Лев Давидович отнюдь не возражал, когда ему однажды – пусть ненадолго – представилась возможность действительно «править страной» (а не быть «заместителем»).

30 августа 1918 года Ленин, как всем известно, был тяжело ранен, но «в литературе, – отметил Н. А. Васецкий, – как-то упускается из виду один факт... Свердлов телеграммой срочно вызвал в Москву с Восточного фронта Троцкого. 2 сентября ВЦИК объявил страну на положении военного лагеря. Чуть позже он же по предложению Свердлова утвердил наркомвоенмора Троцкого председателем Реввоенсовета (РВС) Республики – пост гораздо более емкий, чем у председателя Совнаркома, которым был Ленин. Эти расхождения Ленин устранил потом в ноябре 1918 года созданием Совета Труда и Оборона (СТО) республики, в который введет РВС, подчинив его СТО».

В этот текст Н.А. Васецкого вкралась, правда, неточность. 30 ноября 1918 года Ленин добился создания нового «чрезвычайного высшего органа власти – «Совета рабочей и кре-

стьянской обороны», а в «Совет труда и обороны» этот орган был преобразован только в апреле 1920 года, когда он, кстати сказать, уже не играл столь важной роли. Но неожиданное создание оправившимся от ранения Лениным новой «структуры», которая, в сущности, лишала возглавляемый 6 сентября Троцким РВС верховной власти, весьма впечатляет; Ленин тогда ловко «переиграл» Троцкого. Вместе с тем становится ясно, что Троцкий отказывался от тех или иных постов не только (или даже не столько) из-за своего «еврейства», но и из-за нежелания быть не «первой скрипкой»... Н.А. Васецкий напоминает очень выразительное признание Троцкого: «Ленину нужны были послушные практические помощники. Для такой роли я не годился».

Как уже говорилось, многие нынешние публицисты пытаются всячески преуменьшить роль евреев в тогдашней власти. Для этого, в частности, используется статистика. Известно, что в 1922 году, к XI съезду, в большевистской партии, насчитывавшей 375 901 человек, евреев было всего лишь 19 564 человека – то есть немногим более 5 процентов... Какое уж тут «еврейское засилье»! Однако совсем другое обнаруживается при обращении к более высоким уровням «пирамиды» власти: так, среди делегатов съезда партии евреев было уже не 5%, то есть один из 20, а один из шести, в составе избранного на съезде ЦК – более четверти членов, а из пяти членов Политбюро ЦК евреями были трое – то есть три пятых!

Впрочем, уже отмечалось, что даже эти цифры не вполне раскрывают положение вещей, ибо руководители еврейского происхождения чаще всего играли более важную роль, чем занимавшие те же самые «этажи» власти русские, которых нередко выдвигали на первый план, в сущности, ради «прикрытия» (как мы видели, Троцкий не раз призывал не выдвигать на первый план евреев). В связи с этим уместно сослаться на свидетельства двух сторонних наблюдателей.

Доктор богословия А. Саймонс из США жил во время революции в Петрограде, являясь настоятелем местной епископальной церкви. Он заявил в 1919 году: «Многие из нас были удивлены тем, что еврейские элементы с самого начала играли такую крупную роль в русских делах... Я не хочу ничего говорить против евреев как таковых. Я не сочувствую антисемитскому движению... Я против него. Но я твердо убежден, что эта революция... имеет ярко выраженный еврейский характер. До того времени... существовало ограничение права жительства евреев в Петрограде; но после революции (имеется в виду Февраль. – В.К.) они слетелись целыми стаями... в декабре 1918 г. в так называемой Северной Коммуне (так они называют ту секцию советского режима, председателем которой состоит мистер Апфельбаум) (т. е. Зиновьев. – В.К.), из 388 членов только 16 являются русскими».

А. Саймонс явно «недоволен» этим «еврейским засильем» и, хотя он уверяет, что он – не «антисемит», его заявление все же могут счесть тенденциозным. Но вот суждения другого иностранца – знаменитого писателя Герберта Уэллса, посетившего Россию в 1920 году. Он писал о главной «силе» революции, о множестве «энергичных, полных энтузиазма, еще молодых (так, Троцкому к 1917 году было 37 лет. – В.К.) людей, утративших... русскую непрактичность и научившихся доводить дело до конца (очень многозначительная характеристика! – В.К.)... Эти молодые люди и составляют движущую силу большевизма. Многие из них – евреи... но очень мало кто из них настроен националистически. Они борются не за интересы еврейства, а за новый мир... Некоторые (вот именно: всего лишь некоторые! – В.К.) из самых видных большевиков, с которыми я встречался, вовсе не евреи... У Ленина... татарский тип лица, и он, безусловно, не еврей».

В отличие от Саймонса, Уэллс ни в коей мере не может быть заподозрен в «антисемитизме», ибо ведь он всецело одобряет деятельность евреев-большевиков. И тот факт, что столь разные по своим взглядам иностранные наблюдатели согласно говорили о господствующей роли евреев в послеоктябрьской власти, придает их одинаковому «диагнозу» особенную весомость.

Известный сионистский деятель М.С. Агурский, не боявшийся острых проблем, писал в своем содержательном сочинении «Идеология национал-большевизма», что в 1920-х годах установился взгляд «на советскую власть как на власть с еврейским доминированием», и «советское руководство... должно было постоянно изыскивать средства, дабы... убеждать внешний мир, что дело обстоит как раз наоборот. Это было нелегко, особенно в 1923 г., когда в первой четверке советского руководства не оказалось ни одного русского. Оно состояло из трех евреев и одного грузина...».

М.С. Агурский, говоря о «первой четверке», имел в виду, что пятый член тогдашнего Политбюро, Ленин, к 1923 году в силу болезни уже не мог исполнять свои обязанности. Но на деле Ленин надолго вышел из строя еще в конце 1921 года и, покинув Москву, впервые появился публично лишь 6 марта 1922 года. В своем выступлении в этот день он сказал о болезни, «которая несколько месяцев не дает мне возможности непосредственно участвовать в политических делах и вовсе не позволяет мне исполнять советскую должность, на которую я поставлен» (Ленин даже зачеркивал тогда свой титул «Председатель Совнаркома», когда ему приходилось набрасывать записки на имевшихся под рукой официальных бланках).

Словом, «первая четверка», о которой говорится в книге М.С. Агурского, правила страной в 1922-м, а не в 1923 году; последняя дата неверна потому, что Политбюро, «изыскивая средства» (как сформулировал Агурский) для опровержения тех, кто указывал на «еврейское доминирование», как-то неожиданно 3 апреля 1922 года приняло в свой состав двух русских – А.И. Рыкова и М.П. Томского (Ефремова), которые ранее даже не были кандидатами в члены Политбюро. Возможно, это было сделано по инициативе Троцкого, а не Ленина, ибо имеется свидетельство, что «после первых же заседаний Политбюро с участием двух новых его членов Ленин заметил: «Ну вот, и представительство от комобывателей (т. е. коммунистических обывателей. – В. К.) есть теперь в нашем Политбюро». Показательно, что в своем «завещании» – «Письме к съезду» от 24 декабря 1922 года – Ленин охарактеризовал всех четырех нерусских членов Политбюро (в таком порядке: Сталин, Троцкий, Зиновьев, Каменев), но вообще не упомянул ни Рыкова, ни Томского. Тем не менее именно Рыков после смерти Ленина стал главой правительства – без сомнения, именно как русский и к тому же сын крестьянина (поскольку тогда еще многим казалось, что страной правит Совнарком). Но роль Рыкова и других занимавших высокие посты русских в определении основ политического курса страны едва ли имела решающий характер.

* * *

Между прочим, мало кто знает, что до 1917 года евреи занимали в верхах большевистской партии сравнительно скромное место – явно менее значительное, чем в партиях меньшевиков и даже эсеров. Так, из тех четырнадцати евреев, которые входили в число членов и кандидатов в члены большевистского ЦК в 1917—1921 годах, всего лишь двое занимали эти партийные посты в период с 1903 года (год создания собственно большевистской партии) по 1916 год – это Зиновьев (с 1907 года) и Свердлов (с 1912 года). И особенно примечателен тот факт, что такие «цекисты» с 1917 года, как Троцкий, Урицкий, Радек, Иоффе, только в этом самом году и вошли-то в большевистскую партию! То есть получается, что евреи особенно «понадобились» тогда, когда речь пошла уже не о революционной партии, а о власти...

Можно, конечно, попросту объяснить это тем, что, мол, евреи сделали ставку на большевистскую партию не тогда, когда это грозило правительственными репрессиями, а тогда, когда сама партия готова была стать правящей. Однако, во-первых, большевики – сравнительно, скажем, с террористической партией эсеров – преследовались в дореволюционное время гораздо менее жестоко. А, во-вторых, 10 из 14 евреев, которые в 1917—1921 годах были членами и кандидатами в члены ЦК, все же вступили в партию намного раньше – еще до 1907 года. Словом, в

том факте, что до 1917 года большевистская «верхушка» не была очень уж «еврейской», а затем стала таковой, выразилась, надо думать, объективная «закономерность». Особенно наглядно она проявилась в своего рода послеоктябрьском «скачке»: из 29 цекистов (членов и кандидатов в члены ЦК), избранных на VI съезде, в 1917 году, было 6 евреев (то есть немногим более одной пятой части) и 7 других «нерусских» (всего «нерусских» около половины), а из 23 цекистов, избранных на VII съезде, в 1918 году, – 8 евреев (уже более трети) и 5 других «нерусских» (то есть всего «нерусских» намного более половины!).

Выше уже говорилось подробно о наиболее общем «законе»: в периоды великих смут для любой страны характерен приход к власти «чужаков». Более конкретные суждения о «закономерности» прихода в революционную власть «чужаков» не раз высказывал Ленин: наиболее ясно и резко он поведал об этом в одном личном разговоре, состоявшемся в конце июля – начале августа 1918 года, когда уже во всю силу разразилась гражданская война:

«Русский человек добр, – говорил Ленин. – Русский человек рохля, тютя... У нас каша, а не диктатура... если повести дело круто (что абсолютно необходимо), собственная партия помешает: будут хныкать, звонить по всем телефонам, уцепятся за факты, помешают. Конечно, революция закаливает, но времени слишком мало».

Предвижу негодование многих читателей по этому поводу: вот, скажут они, чудовищная постановка вопроса – вместо «добрых» русских надо поставить во главе «чужаков», которые будут расправляться без колебаний! Подобное восприятие вполне естественно, но необходимо понять, что объективная историческая задача состояла все же не в некоем самоцельном подавлении всяческого сопротивления революционной власти, а в создании государства, – в частности, в преодолении начавшегося после Февраля распада страны. Десятки тысяч русских офицеров именно поэтому стали служить большевистской власти; они убеждались на опыте, что ни белые, ни, тем более, «зеленые» – то есть предводители народных бунтов – фатально не могут возродить в России государство...

Известнейший лидер дореволюционной русской партии националистов В.В. Шульгин, ставший затем одним из видных идеологов Белого движения, постоянно и подчас крайне негодуяще писал о «еврейском засилье» в большевистской власти, о том, что евреи, как он определил, «явились спинным хребтом и костяком коммунистической партии», которую они «своей организованностью и сцепкой, своей настойчивостью и волей... консолидировали и укрепили». Однако еще до окончания гражданской войны, в 1921 году, способный к трезвому размышлению Василий Витальевич недвусмысленно заявил, что именно большевики «восстанавливают военное могущество России... восстанавливают границы Российской державы до ее естественных пределов». Он уточнял: «Конечно, они думают, что они создали социалистическую армию, которая дерется «во имя Интернационала», – но это вздор. Им только так кажется. На самом деле, они восстановили русскую армию... Как это ни дико, но это так... Знамя Единой России фактически подняли большевики... Конечно, Ленин и Троцкий продолжают трубить Интернационал... На самом деле их армия была поляков как поляков. И именно за то, что они отхватили чисто русские области» (имелась в виду война с Польшей Пилсудского в 1920 году).

И Шульгин прямо сказал о полной бесперспективности в тогдашних условиях программы Белого движения, которое стремилось вернуть к власти Учредительное собрание: «...русский парламент героических, ответственных, безумно смелых решений принимать не может... Их (большевиков. – В.К.) решимость – принимать на свою ответственность, принимать невероятные решения. Их жестокость – проведение однажды решенного».

К суждениям такого человека, как В.В. Шульгин, – человека, который, во-первых, с молодых лет активнейшим образом участвовал в российской политической жизни и знал ее досконально и, во-вторых, до самого конца своей почти столетней жизни был убежденнейшим русским патриотом, – стоит внимательно прислушаться.

Шульгин явно считает «еврейское засилье» в послереволюционной России неизбежным и даже имеющим определенный позитивный смысл явлением. Кстати сказать, Шульгин видел и более общую закономерность: выдвижение на первый план «чужаков» вообще, а не только одних евреев; он писал в 1929 году, что большую и необходимую роль играли в большевистской власти поляки, латыши, грузины и т. п. (напомню, что Польша, Латвия и – до конца 1922 года – Грузия были самостоятельными государствами и, следовательно, речь шла об «иностранцах»).

Вместе с тем В.В. Шульгин не считал (как это характерно и ранее и теперь для многих людей), что Российскую революцию вообще совершили-де «чужаки», и прежде всего, евреи. Вот его суждение о взбунтовавшемся русском народе: «...”жиды” виноваты только в том, что они его, народ, натравили на самого себя», то есть на его собственную историческую власть, а в определенной мере и на русскую национальную культуру. Кто-нибудь скажет, что «натравить» – заведомо нехорошее дело. Однако в конечном счете более «виновен» все же тот, кто дал себя, позволил себя натравить на свою собственную власть и культуру. К тому же Шульгин в этой фразе не вполне точен: народ (или, вернее, наиболее активная и вольнолюбивая его часть) явно сам был готов к безудержному бунту, и евреи, если выразиться вполне адекватно, не «натравили» некий до того «мирный» народ, а лишь дополнительно его «натравливали» (эта глагольная форма имеет более «ограниченное» значение, чем «натравили»). Впрочем, и сам Шульгин со всей определенностью утверждает: «Никогда евреям не удалось бы соткать сие чудовище, которое поразило мир под именем «большевизма», если бы их сосредоточенная ненависть не нашла сколько угодно «злобствующего материала» в окружающей среде». Обратим внимание, что и Шульгин употребляет слово «среда», и это в данном случае точное слово, ибо для большевистской власти русская жизнь поначалу была именно «средой» (а не, допустим, «почвой», «основой» и т. п.)

И, наконец, еще одно суждение Шульгина о русском народе, которое, без сомнения, трудно принять, но и столь же трудно опровергнуть: «Сняв самому себе голову (то есть русскую власть и, отчасти, культуру. – В.К.), он теперь бесится, что сие совершил...» Но «ежели русскую голову этот народ сам себе «оттяпал», то «жиды», пожалуй, даже услугу оказали, что собственную свою еврейскую голову ему на время приставили: совсем без головы еще хуже было бы!», – громадное безголовое тело напрочь разбило бы себя в нескончаемых «пугачевщинах»...

* * *

Итак, Василий Витальевич, прошедший весь крестный путь Белой армии, признает, что большевистская – во многом «еврейская» – власть все же «лучше» безвластия, и, кроме того, вообще не видит другой силы, которая в тогдашних условиях могла бы восстановить государственность. Целесообразно напомнить и точные характеристики самого состояния России после Февральского переворота – характеристики, которые согласно сформулировали совершенно разные люди, – гениальный «черносотенный» мыслитель В.В. Розанов: «Не осталось Царства, не осталось Церкви, не осталось войска... Что же осталось-то? Станным образом – буквально ничего», – и влиятельный сподвижник Керенского В.Б. Станкевич: «стихийное движение» русского народа, «сразу испепелившее всю старую власть без остатка: и в городах, и в провинции, и полицейскую, и военную, и власть самоуправлений».

И восстановить власть «на пустом месте» можно было только посредством самого жестокого насилия и, как оказалось, при громадной и, более того, необходимой роли «чужаков», способных «идти до конца»... Словом, есть все основания согласиться с приведенными суждениями В.В. Шульгина.

Вместе с тем нельзя, конечно, не видеть, что восстановление власти «чужаками» имело свою тяжелейшую «оборотную» сторону: они ничего не щадили в так или иначе чуждом им

русском бытии, они подавляли и то, что вовсе не обязательно нужно было подавлять... И это уже в первые послереволюционные годы вызывало решительное сопротивление даже в тех кругах, которые всецело поддерживали дело Октября...

Нельзя также не видеть, что власть «чужаков» являла собой тогда своего рода фатальную необходимость, которая столь резко обнаруживается в составе верховного органа – Политбюро ЦК, где к концу гражданской войны числились, помимо Ленина, три еврея и один грузин... И несколько неожиданное введение в Политбюро в апреле 1922 года, – когда война уже закончилась, – русских Рыкова и Томского опять-таки очень показательны.

А в конце 1922-го – начале 1923 года Ленин попытался совершить своего рода переворот, – о чем недвусмысленно свидетельствуют его тексты, обращенные им к XII съезду партии, который был намечен на апрель, и впоследствии названные «политическим завещанием» Ленина. Как ни странно (и прискорбно), почти все «аналитики» этого завещания, полностью замороженные «проблемой Сталина», ухитрились заметить в этих ленинских текстах, в сущности, только одну, имеющую в конечном счете частное значение деталь – предложение «переместить» одного человека с поста генсека.

Между тем Ленин начал свое «завещание» так (цитирую по 45-му тому Полного собрания сочинений, указывая в скобках страницы): «Я советовал бы очень предпринять на этом съезде ряд перемен в нашем политическом строе» (с. 343). Да, ни много ни мало – изменение самого «политического строя» (!). И конкретизирует: «В первую голову я ставлю увеличение числа членов ЦК до нескольких десятков или даже до сотни» (там же; в ЦК тогда было всего 27 человек). При этом, – как неоднократно затем подчеркнул Ленин, – в новый ЦК должны войти рабочие и крестьяне, «стоящие ниже того слоя, который выдвинулся у нас за пять лет в число советских служащих, и принадлежащие ближе к числу рядовых рабочих и крестьян...» (с. 348). «Я предлагаю съезду выбрать 75—100... рабочих и крестьян... выбранные должны будут пользоваться всеми правами членов ЦК» (с. 384).

В ЦК состояло, как говорилось, 27 человек, и присоединение к ним 75—100 рабочих и крестьян означало бы, что четыре пятых членов ЦК оказались бы людьми из народа в прямом смысле этого слова.

У нас нет никаких сведений о том, что Ленин ставил тем самым задачу изменить национальный состав высшей власти. Он определял цель предлагаемого политического акта как обращение «за поисками новых сил туда, где лежит наиболее глубокий корень нашей диктатуры» (с. 383), и установление «связи с *действительно широкими массами*» (с. 384. Выделено мною. – В.К.).

Однако вполне ясно, что при осуществлении ленинского «завещания» новый, очень значительно «расширенный» орган верховной власти состоял бы в основном из русских. Повторю еще раз: я вовсе не утверждаю, что Ленин сознательно преследовал именно эту цель: для такого вывода нет каких-либо доказательств. Однако результат предложенной Лениным «перемены» в политическом строе был бы все же именно таким, и естественно полагать, что искушенный политик это сознавал...

Партийные верхи отвергли предложение Ленина, причем особенно решительно выступил против него Троцкий, заявивший в специальном письме в ЦК от 13 февраля 1923 года, что это «расширение» состава ЦК лишит его «необходимой оформленности и устойчивости» и нанесет «чрезвычайный ущерб точности и правильности работ Цека». Ленин не имел возможности отстаивать свое предложение. Во-первых, – что не так давно перестало быть «секретом», – ЦК возражал против самой публикации его статьи «Как нам реорганизовать Рабкрин», в которой было частично сформулировано это предложение. В ЦК даже возник план «напечатать эту статью в номере газеты с тиражом... в одном экземпляре – специально для Владимира Ильича». 25 января 1923 года статья все же была опубликована в «Правде», однако через день, 27 января, Политбюро разослало во все губкомы партии циркуляр, в котором объявлялось,

что «Ленину из-за переутомления не разрешено читать газеты; что он не принимает участия в заседаниях Политбюро... что врачи сочли возможным ввиду невыносимости для него полной умственной бездеятельности вести нечто вроде дневника, куда он заносит свои мысли по разным вопросам; что отдельные части этого дневника по указанию и настоянию самого Владимира Ильича появляются на страницах печати»; предложение Ленина тем самым полностью дискредитировалось...

В работе XII съезда, к которому Ленин и обращал свое «предложение», он, в силу резкого обострения болезни, не принимал никакого участия. Но поскольку авторитет Ленина все равно был, конечно, огромен, на съезде не решились вообще игнорировать его предложение: состав ЦК был значительно расширен – в полтора раза (с 27 до 40 человек), однако среди вновь избранных не было ни рабочих, ни крестьян, то есть «расширение» было чисто показное...

Как уже говорилось, нельзя безоговорочно утверждать, что Ленин, предлагая ввести в ЦК множество не «профессиональных революционеров», а рабочих и крестьян, подразумевал тем самым и «национальный» сдвиг в составе высшей власти. Но именно такой сдвиг все же затем в течение всего нескольких лет совершился. Между прочим, В.В. Шульгин в 1926 году цитировал суждение одного наблюдателя (возможно, небезызвестного А.А. Якушева): «Многие... полагают, что в России царит беспросветное еврейское засилье. Я бы несколько смягчил этот диагноз, я бы сказал, что в современной русской жизни рядом с еврейским потоком, несомненно, пробивается и очень сильная русская струя на верхи».

И действительно, если к 1922 году в Политбюро русским можно было считать только одного Ленина, то к 1928 году из 9 членов тогдашнего Политбюро 7(!) были русскими (остальные – грузин и латыш). Правда, период коллективизации явно вновь востребовал «чужаков», и к 1931 году из 10 членов Политбюро уже только половина – 5 человек – были русскими, которых «дополняли» еврей, поляк, латыш и два грузина. Такие изменения «национальных пропорций» на наивысшем уровне власти едва ли уместно считать «случайными», несущественными, и есть достаточные основания полагать, что именно новая «революция» в деревне продиктовала возврат к большой роли «чужаков». А к концу тридцатых годов соотношение русских и нерусских в Политбюро опять изменилось: из 9 его членов 6 были русскими, а остальные, кроме одного еврея, – грузин и армянин, то есть «представители» народов СССР, а не поляков, латышей и т. д.

В связи с тем, что в 1926 году были «освобождены от обязанностей членов Политбюро» Каменев, Зиновьев и Троцкий, возникло острое словцо, приписываемое Радеку: «Какая разница между Сталиным и Моисеем? Моисей вывел евреев из Египта, а Сталин из Политбюро». Фраза эта воспринимается обычно как разоблачение «антисемитизма» Сталина, который изгнал этих людей из Политбюро именно как ненавистных ему евреев.

Правда, как раз в 1926 году кандидатом в члены Политбюро стал еврей Каганович, который с 1930 года и до кончины Сталина являлся членом Политбюро, а в 1935—1938 годах был даже «вторым» человеком после Сталина, что с очевидностью выражалось в объединении в его лице сразу трех высших функций: он, как и сам Сталин, был одновременно членом Политбюро, секретарем ЦК и членом Оргбюро ЦК (других таких лиц не имелось). Однако Кагановича все же склонны рассматривать как чисто показную фигуру, долженствующую демонстрировать отсутствие «антисемитизма».

В конце концов можно даже допустить, что в таком мнении есть своя правота. Но нельзя закрывать глаза на целый ряд других сторон проблемы. Во-первых, за удаление Троцкого, Зиновьева и Каменева из Политбюро не менее, а подчас и более решительно выступал, наряду со Сталиным, также и Бухарин, которого трудновато заподозрить в «антисемитизме». Во-вторых, выведение из Политбюро трех наиболее влиятельных евреев ни в коей мере не сопровождалось устранением евреев из «второго» эшелона высшей власти – ЦК.

* * *

Впрочем, прежде чем говорить об этом, следует опровергнуть совершенно произвольные (и тем не менее широко распространенные) «сведения» о чуть ли не абсолютном большинстве, которым будто бы обладали евреи в составе ЦК первых революционных лет. В действительности в составах ЦК, начиная с 1919 года и кончая 1939-м (следующий съезд партии был созван лишь в 1952 году) лица еврейского происхождения занимали 1/5—1/6 часть общего количества. Правда, их было больше в 1917 году (6 из 21 члена ЦК) и, особенно, в 1918 (5 из 15). Но в обоих случаях имели место особенные обстоятельства. В принципе количество членов ЦК должно было составлять тогда 19 человек; именно таковы составы ЦК 1919 и 1920 гг. Но в 1917 году к большевикам присоединились так называемые межрайонцы, лидеры которых – Троцкий и Урицкий – вошли в ЦК, увеличив количество его членов до 21, а долю евреев – до более чем четверти состава. А в 1918 году не были – из-за их резкого расхождения с ленинской линией – введены в новый состав ЦК четверо ранее входивших в него русских (А. С. Бубнов, В. П. Милютин, В. П. Ногин и А. И. Рыков), в результате чего количество членов ЦК сократилось до 15, и хотя лиц еврейского происхождения в ЦК стало меньше, чем в 1917-м (5, а не 6), «доля» их выросла до одной трети. Но в дальнейшем, до 1939 года включительно – как бы следуя негласному «правилу» – эта доля составляла 1/5—1/6. Нередко объявляют, что террор 1937—1938 годов имел-де, в частности, целью удаление из органов власти евреев. Между тем доля людей еврейского происхождения в составах ЦК 1934 и 1939 годов одинакова (12 из 71)...

Тем более безосновательна версия Троцкого, который в середине 1930-х годов начал уверять, что-де его еще в 1920-х годах изгнали из власти в силу «антисемитской» политики Сталина и других. Ныне эту версию усиленно пропагандируют. Между тем сам Троцкий в ряде сочинений по сути дела опровергает эту свою позднейшую версию. Так, в изданном им в 1930 году автобиографическом сочинении «Моя жизнь» он с полной ясностью показал, что инициатива его отстранения от высшей власти исходила не от каких-либо «антисемитов», а прежде всего от Зиновьева и Каменева. Уже в начале 1923 года, когда стало очевидно, что Ленин едва ли выздоровеет и вернется к власти, «Каменев допрашивал, – сообщает Троцкий, – наиболее доверенных «старых большевиков»... «Неужели же мы допустим, чтоб Троцкий стал единоличным руководителем партии и государства?...» На первое место стали ставить Зиновьева... Еще через некоторое время стали появляться почетные президиумы без Троцкого... Потом (именно потом, несколькими годами позже! – В.К.) первое место стало отводиться Сталину...»

Итак, отстранение Троцкого от верховной власти начали Каменев и Зиновьев, предложивший в январе 1925 года Пленуму ЦК резолюцию, а которой взгляды Троцкого квалифицировались как «фальсификация коммунизма», и на этом основании тот 26 января был освобожден от обязанностей председателя Реввоенсовета. Естественно, было бы абсурдно, если бы Троцкий приписал «антисемитизм» Зиновьеву и Каменеву. Но позднее, в середине 1930-х годов, умалчивая о том, что инициаторами лишения его верховной власти были эти евреи, он обвинил в «антисемитизме» Сталина. Насколько это было натяжкой, явствует из более раннего сочинения Троцкого, написанного вскоре после его «падения», в 1927 году. Здесь он сообщал, что решающую роль в борьбе с ним сыграли «Сталин, Ярославский, Гусев и пр. агенты Сталина». То есть выходит, что «антисемитскую» акцию по свержению Троцкого осуществляли вместе со Сталиным Яков Давидович Дабкин (Гусев) и Миней Израилевич Губельман (Ярославский)... Разгадка здесь в том, что Троцкий в 1930-х годах стремился дискредитировать Сталина в глазах «левых» кругов Европы и Америки, где большую роль играли евреи; отсюда и не имевшее реальных оснований обвинение в «антисемитизме» (выше уже сказано об очень значительной «доле» евреев в 1930-х годах в органах верховной власти СССР; об «антиеврей-

ских» акциях Сталина речь может идти только по отношению к периоду конца 1940-х – начала 1950-х годов, о чем мы еще будем говорить подробно).

В принципе постепенное вытеснение евреев из высшей власти страны было, по верному определению сиониста М.С. Агурского, естественным, «органическим» процессом: «чужаки» сыграли в пору всеобщего хаоса свою закономерную роль, а в дальнейшем пребывание множества таких людей на верховных постах было уже ничем не оправданным явлением.

Те, кто объявляет подобную постановку вопроса «антисемитской» или «шовинистической», валят, как говорится, с больной головы на здоровую. Ибо обилие евреев, а также латышей, поляков и т. д., которые составляли незначительную долю населения страны, на верхних этажах власти едва ли можно считать «нормальным» явлением (другое дело – явно «ненормальная» ситуация первых послереволюционных лет).

Более того: есть серьезные основания полагать, что сосредоточение евреев на вершине власти было само по себе чревато внутренней несостоятельностью. Казалось бы, такая точка зрения противоречит несомненной еврейской сплоченности, способности к прочному единству. Но мудрейший В.В. Розанов прозорливо написал в 1918 году, что напрасно евреи «думают в целом руководить... Россией... когда их место – совсем на другом месте, у подножия держав (так ведь и поступают и чтут старые настоящие евреи, в благородном «Мы – рабы Твои», у всего настояще Великого)». В этом, разумеется, нет ничего «антисемитского» (Розанов в конце его жизни можно, скорее, заподозрить в «филосемитизме»); он отметил здесь же, что революция евреям «не обещает ничего. Даже обещает плохо».

Глубоко верны слова «место – у подножия держав», у подножия трона. Еврейская пропаганда с давних пор и до сего дня пытается внушить, что-де до революции евреи в России не могли занимать сколько-нибудь высоких постов. Но вот хотя бы несколько внушительнейших примеров: еврей Шафиров был вице-канцлером при Петре I, еврей Нессельроде – канцлером при Николае I, еврей Перетц – статс-секретарем при Александре II, еврей Гурлянд – фактическим руководителем министерства внутренних дел при Николае II. Разумеется, они так или иначе служили именно трону, державе (хотя Нессельроде, как можно догадываться, тайно служил и чему-то иному), а не осуществляли свою «программу». Но так или иначе все они благоденствовали при своих повелителях.

Между тем евреи, оказавшиеся на самом верху после 1917 года, уже в 1923 году, как мы видели, «передрались» – несмотря на свою достославную сплоченность... Тем более это относится к более позднему времени, – о чем и пойдет речь далее (в частности, о «загадке» 1937 года). Здесь же только подведу определенный итог вышесказанному.

Если уж ставить вопрос о связи устранения Троцкого, Зиновьева и Каменева из верховной власти с пресловутым «антисемитизмом», то только в том плане, что их присутствие в Политбюро неизбежно стимулировало антисемитские настроения в стране, – о чем не раз и не без глубокого беспокойства говорил и сам Троцкий. Особенно остро встала эта проблема в середине 1920-х годов, когда большинство населения осознало, что страной правит не Совнарком, а Политбюро. И не исключено, что сей факт оказал воздействие на решение в 1926 году судьбы еврейских членов Политбюро.

Характерно, что на уровне ЦК эта проблема не вставала столь остро (как в отношении Политбюро), и на ближайшем съезде партии, в 1927 году, в ЦК вошли трое евреев – Я.Б. Гамарник, Ф.И. Голощекин и И.А. Пятницкий (Таршис), как бы заменив удаленную из ЦК «тройку», и «доля» евреев осталась прежней.

Но в наиболее общем и глубоком смысле конец «еврейского засилья» в Политбюро означал, что их роль – притом роль, как говорилось выше, закономерная, даже необходимая – уже сыграна.

Еще раз напомню, что великий поэт сказал в 1924 году в стихотворении «Русь советская»:

Тот ураган прошел. Нас мало уцелело...

В неистовом урагане первых послереволюционных лет неизбежна была отчужденная, ничего не щадящая власть, а затем начался, по определению стремившегося к объективности сиониста М.С. Агурского, «органический процесс» восстановления национальной государственности – правда, не без замедлений и даже отступлений. Так, – о чем уже шла речь – в пору коллективизации половину Политбюро составили «чужаки», хотя в 1928 году их было там всего только двое (из девяти). Наконец, господство «чужаков» сохранялось и в 1930-х годах в «органах безопасности», которые были призваны беспощадно бороться со всяческими «врагами». Но об этом мы еще будем говорить подробно.

Часть 3

Загадка 37-го

Об этой «загадке» я, как и многие люди моего поколения, начал размышлять еще в 1950-х годах, – в особенности, конечно, после ныне всем известного доклада, произнесенного Н.С. Хрущевым 25 февраля 1956 года на «закрытом заседании» XX съезда КПСС, но вскоре ставшего достоянием весьма широких кругов населения страны, поскольку его текст зачитывался на партийных и даже комсомольских собраниях.

Террор 1937 года предстал в этом докладе как следствие «культа личности Сталина», – культа, который привел к (цитирую доклад) «сосредоточению необъятной, неограниченной власти в руках одного лица», требовавшего «безоговорочного подчинения его мнению. Тот, кто сопротивлялся этому или старался доказывать свою точку зрения, свою правоту, тот был обречен на исключение из руководящего коллектива с последующим моральным и физическим уничтожением... жертвами деспотизма Сталина оказались многие честные, преданные делу коммунизма, выдающиеся деятели партии и рядовые работники партии».

Некоторые из этих людей, говорилось в докладе, «совершали ошибки», – например, Г.Е. Зиновьев и Л.Б. Каменев, – но и их не следовало уничтожать: «Владимир Ильич требовал жестокой расправы с врагами революции и рабочего класса и, когда возникала необходимость, пользовался этими мерами со всей беспощадностью... Но Ленин пользовался такими мерами против действительных врагов, а не против тех, которые ошибаются...»

В докладе цитировалось «Письмо» Ленина XII съезду ВКП(б) от 4 января 1923 года («Сталин слишком груб...» и т. п.) и утверждалось: «Те отрицательные черты Сталина, которые при жизни Ленина проступали только в зародышевом виде, развились... в тяжкие злоупотребления властью со стороны Сталина, что причинило неисчислимый ущерб нашей партии». Как было сообщено в докладе, на XIII съезде партии, в мае 1924 года (то есть уже после смерти Ленина), обсуждалось ленинское предложение о замене Сталина на посту генсека ЦК другим лицом, но все же, к прискорбию, решили, что Иосиф Виссарионович «сумеет исправить свои недостатки». Однако последний, мол, либо не сумел, либо не пожелал «исправиться»...

Итак, террор 1937 года был объяснен в знаменитом докладе, по сути дела, чисто личными качествами Сталина. Конечно, как констатировалось в докладе, 1937 год стал возможен в силу того обстоятельства, что вождь сосредоточил в своих руках «необъятную, неограниченную власть», но причиной террора были все же объявлены именно «отрицательные черты» сталинского характера, которые-де и привели к «тяжким злоупотреблениям» этой властью.

Со времени хрущевского доклада прошло ни много ни мало сорок лет, однако и по сей день «феномен 1937 года» во многих сочинениях по-прежнему истолковывается именно в этом духе. Таково, например, изданное с 1989 года громадными тиражами пространное сочинение А.В. Антонова-Овсеенко, – сына известного революционного деятеля, который, в частности, руководил чудовищным по своей жестокости подавлением Тамбовского крестьянского восстания 1920—1921 годов, а затем назначался начальником Политуправления Реввоенсовета, прокурором РСФСР, наркомом юстиции РСФСР, – на каковой должности он был в декабре 1937-го арестован и погиб. Позднее, в 1943-м, арестовали и его сына – будущего автора книги. Считая главным и даже вообще единственным виновником всех репрессий 1930—1940-х годов Сталина, А.В. Антонов-Овсеенко стремится представить его беспримерным патологическим злодеем. И 1937 год, с его точки зрения, породили присущие Сталину «всепожирающая месть и неутолимая злоба».

Можно понять точку зрения Антона Владимировича, безвинно пережившего тяжкие заключения, но все же едва ли есть серьезные основания усматривать в Сталине некое уникальное средоточие злобности и мстительности, – хотя об этом и говорили так или иначе мно-

гие. Беспощадные расправы с людьми – в том числе ни в чем не повинными, – неотъемлемая «особенность», даже своего рода «норма» поведения преобладающего большинства руководящих деятелей того времени; вспомним, как отец Антона Владимировича приказывал расстреливать сотни тамбовских заложников, скорее всего попросту и не знавших, где скрываются повстанцы, которых их принуждали под угрозой смерти выдать...

О том, что Сталин лично не был из ряда вон выходящим воплощением злобы и мести, достаточно убедительно свидетельствует хотя бы такой эпизод его жизни. В октябре 1942 года сын Сталина, Василий Иосифович, задумал снять кинофильм о летчиках и пригласил к себе известных режиссеров и сценаристов, среди которых были Роман Кармен, Михаил Слущкий, Константин Симонов и Алексей (его звали в этой компании «Люся») Каплер – соавтор сценариев прославленных фильмов о Ленине, лауреат Сталинской премии, присужденной в 1941 году, и т. п.

Как вспоминала впоследствии дочь Сталина, Светлана Иосифовна, этот почти сорокалетний и уже располневший мужчина имел «дар легкого непринужденного общения с самыми разными людьми». Он стал показывать шестнадцатилетней школьнице Светлане заграничные фильмы с «эротическим» уклоном (кстати, на спецпросмотрах для двоих), вручил ей машинописный текст перевода хемингуэевского романа «По ком звонит колокол» (где десятки страниц занимает впечатляющее изображение «любви» в американском значении этого слова) и другие «взрослые» книги о любви, танцевал с ней игривые фокстроты, сочинял и даже публиковал в газете «Правда» любовные письма к ней и, наконец, приступил к поцелуям (все это подробно описано в воспоминаниях С.И. Сталиной). При этом нельзя умолчать, что дочь вождя отнюдь не отличалась женским обаянием (могу об этом свидетельствовать, поскольку в конце 1950 – начале 1960-х годов был сослуживцем Светланы Иосифовны в Институте мировой литературы Академии Наук), а к тому же в 1942 году она еще не перешла рубеж подростковой «недоформированности» и, по ее собственному определению, «была смешным цыпленком». Словом, едва ли есть основания усматривать в описанном поведении «Люси» выражение роковой страсти, и трудно усомниться в том, что на деле «Люсей» была предпринята попытка «завоевания» дочери великого вождя...

Светлана Иосифовна писала впоследствии об отце: «Пока я была девчонкой, он любил целовать меня, и я не забуду этой ласки никогда. Это была чисто грузинская горячая нежность к детям...». Сказанное убедительно подтверждают опубликованные теперь переписка Сталина с дочерью (до сентября 1941 года – то есть незадолго до появления «Люси») и семейные фотографии. И вот в эти сентиментальные отношения вторгся чужой мужчина, о котором Сталин веско сказал дочери: «У него кругом бабы, дура!»

Попытка «сращения» многоопытным мужчиной несовершеннолетней школьницы сама по себе являлась предусмотренным уголовным кодексом деянием, но Сталин, конечно же, никак не мог допустить официального расследования «дела», касающегося его дочери. И Каплеру, постоянно общавшемуся с иностранцами, НКВД предъявило 2 марта 1943 года стандартное обвинение в «шпионаже». Однако «наказание» было прямо-таки до изумления мягким: «Люсю» отправили заведовать литературной частью Воркутинского драматического театра (помимо этого – или даже позже – он работал фотографом)! Правда, через пять лет, в 1948 году, за самовольный приезд в Москву его осудили на пятилетнее заключение, но едва ли Сталин диктовал это новое наказание: оно было обычным в те годы за дерзкое нарушение режима ссыльного.

Впрочем, суть дела в другом. Не будет преувеличением утверждать, что почти каждый (или уж, по крайней мере, подавляющее большинство) человек с «кавказским менталитетом», оказавшись он на месте Сталина, – то есть в ситуации «сращения» дочери-школьницы сорокалетним мужчиной и при наличии безграничной власти – поступил бы гораздо более жестоко! В разгар своего «романа» Каплер выезжал в Сталинград (откуда прислал в «Правду» любов-

ное письмо «лейтенанта Л.» – то есть «Люси», – вполне очевидно обращенное к Светлане). И Сталину ничего не стоило отдать тайный приказ пристрелить Каплера в прифронтовой обстановке, – хотя, конечно, и в Москве для этого годился любой «несчастный случай»... Тем не менее сталинская «всепожирающая месть» (по выражению А.В. Антонова-Овсеенко) не пошла дальше «административной высылки» Каплера, которая в те суровые времена явно была редким исключением, а не правилом: так, в 1943 году по «политическим» обвинениям в лагерь, колонии и тюрьмы было заключено 68 887 человек, а в ссылку отправлено всего только 4787 человек, – то есть лишь один из пятнадцати осужденных...

Все это, конечно, отнюдь не означает, что Сталин не диктовал самые жестокие приговоры, но вместе с тем история с Каплером вызывает самые глубокие сомнения в основательности версии об из ряда вон выходящей личной злобности и мстительности Иосифа Виссарионовича.

Впрочем, эта проблема, как мы еще увидим, вообще не имеет существенного значения, и я обратился к ней только для того, чтобы, так сказать, расчистить путь к пониманию действительного смысла 1937 года. В конце концов даже если характер Сталина и был бы уникально «злодейским» (а «случай Каплера» являл, мол, собой некое странное отклонение от обычного поведения вождя), все равно объяснение террора 1937 года индивидуальной сталинской психикой – это крайне примитивное занятие, не поднимающееся над уровнем предназначенных для детей младшего возраста книжек, объясняющих всякого рода бедствия кознями какого-либо лубочного злодея...

В кругу моих друзей подобное «толкование» террора отвергалось и даже высмеивалось еще в конце 1950-х годов. В частности, я в то время, скрывая иронию, небезуспешно уверял иных простодушных собеседников, что 1937 год превосходно изображен в популярной стихотворной сказке Корнея Чуковского «Тараканище». Сначала там рисуется радостная картина «достижений первых пятилеток»: «Ехали медведи на велосипеде... Зайчики – в трамвайчике, жаба – на метле... Едут и смеются, пряники жуют» и т. д. Но, увы, наступает 1937-й: «Вдруг из подворотни – страшный великан, рыжий (тут я сообщал, что Иосиф Виссарионович до того, как поседел, был рыжеват) и усатый та-ра-кан. Он урчит и рычит и усами шевелит: «Приводите ко мне своих детушек, я их нынче за ужином скушаю». Звери задрожали – в обморок упали. Волки от испуга скушали друг друга (какая точная картина 1937-го! – комментировал я), а слониха, вся дрожа, так и села на ежа», – разумеется, на знаменитого наркома с «удачной» фамилией!

При этом я, естественно, умалчивал о том, что сказка «Тараканище» была опубликована не в 1938-м, а еще в 1923 году, и многие из тех, кому я читал процитированные только что строки, восхищались и меткостью, и редкостной смелостью сочинения Чуковского... И в конечном счете именно такое «толкование» 1937 года преподнесено в сочинениях о Сталине, написанных сыном Антонова-Овсеенко, или высокопоставленным армейским партаппаратчиком Волкогоновым, или литератором Радзинским, – сочинениях, которыми и по сей день увлекаются широкие круги людей, не отдающих себе отчета в том, что в основе «методологии» этих авторов как бы лежит та самая «модель», которая легла в основу увлекавшего их в детские годы «Тараканища»...

Впрочем, хватит об этом – в сущности, комическом – мифе о злодее Сталине, который-де единолично осуществил 1937 год (вернее, 1936—1938), когда были репрессированы 60—70 процентов людей, находившихся у власти – с самого верха и донизу, – хотя жестоко пострадали в той ситуации вовсе не только «руководители» (о чем еще будет речь). И громадные масштабы репрессий, между прочим, не скрывались. Еще в декабре 1956 года на широком обсуждении знаменитого тогда романа Владимира Дудинцева «Не хлебом единым», состоявшемся в набитом битком зале Института мировой литературы, я процитировал сталинский доклад на XVIII съезде партии (10 марта 1939 года): «...за отчетный период (то есть с 1934 года – года

предшествующего, XVII съезда. — В.К.) партия сумела выдвинуть на руководящие посты по государственной и партийной линии более 500 тысяч молодых большевиков, партийных и примыкающих к партии». Это значит, резюмировал я в своем выступлении, что более 500 тысяч людей, находившихся ранее на «руководящих постах», сумели «задвинуть»... Я был за это свое выступление подвергнут резким нападкам, — в частности, со стороны имевшего репутацию «либерала» (впоследствии — замредактора «Нового мира») А.Г. Дементьева, принадлежавшего к «номенклатуре ЦК» и в 1930—1960-х годах гибко повторявшего «извивы» генеральной линии партии (обсуждение признанного крамольным дудинцевского романа состоялось в Институте мировой литературы слишком «поздно» — уже после венгерского восстания, разразившегося 23 октября 1956 года).

Кажется, совсем нетрудно понять, что «замена» более полумиллиона (!) руководителей никак не могла быть проявлением личной воли одного — пусть и всевластного — человека, и причины такого переворота неизмеримо масштабнее и глубже пресловутого «культа личности». Помню, как еще в те же давние времена Георгий Гачев предложил своеобразное объяснение 1937 года. Победившие в октябре 1917-го революционеры были убеждены, рассуждал он, что они сами по себе суть власть, что «Советское государство — это мы сами». Но затем постепенно создалась прочная и многосторонняя государственная структура, и люди, продолжавшие сознать и вести себя так, как будто именно и только они являются воплощением всей власти, стали «лишними» и уже потому «вредными». Гачевская мысль производила особенно сильное впечатление и потому, что собственный его отец, — эмигрировавший в 1926 году в СССР болгарский революционер — был в 1938 году репрессирован и в 1945-м скончался в лагере...

Через много лет я встретил, в сущности, то же самое толкование в изобилующем про-никновенными записями дневнике Михаила Пришвина:

«1 марта (1935)... Несколько дней занимает меня мысль о том, что всякая мораль имеет внутреннее стремление превратиться в учреждение. Замечательный пример — конец Горького: превратился в учреждение... Так все движение интеллигенции, даже и анархистское, таило в себе государство, и умерла интеллигенция, и государство стало могилой интеллигенции...»

Тезис о том, что «революционеры» к середине 1930-х годов стали излишним «элементом», раскрывает только одну сторону дела, но все же он важен и объективен.

Скажу еще о том, что в кругу моих друзей уже сорок лет назад сложилось убеждение о неосновательности «деления» деятелей 1937 года по категориям «жертвы» и «палачи», — хотя и до сего дня попытки такого деления весьма популярны.

Помню, как на рубеже 1950—1960-х годов нас пригласили на «нелегальную» выставку рисунков зауряднейшего, но идеологически активного графика, поставившего задачу наглядно представить 1937 год. Одновременно с нами эти рисунки разглядывали артисты недавно созданного театра «Современник» во главе с Олегом Ефремовым. Они особенно заахали перед рисунком «Тройка», где были изображены сидящие на сцене страшные трое обвинителей, а перед ними — многолюдный зал беззащитных обвиняемых. И я заметил тогда, вызвав недоумение и даже протест «либеральных» артистов, что эти трое судей почти наверняка вскоре будут пересажены в зал уже в качестве подсудимых...

Позднее факты подобного превращения вчерашних «палачей» в «жертвы» стали общеизвестны; так, например, крупнейшие военачальники Я.И. Алкснис, И.П. Белов, В.К. Блюхер, П.Е. Дыбенко и другие 11 июня 1937 года осудили на расстрел своих сослуживцев В.М. Примакова, М.Н. Тухачевского, И.П. Уборевича, И.Э. Якира и других, но в следующем, 1938 году сами были расстреляны...

И те, кто занят ныне главным образом выявлением «палачей» и, с другой стороны, «жертв» 1937 года, едва ли способны приблизиться к пониманию сути дела, — так же, как и те, кто видит главного или даже единственного «палача» в Сталине, в его личном характере

и индивидуальной воле. То, что происходило в 1937 году, было своего рода завершением громадного и многогранного движения самой истории страны, начавшегося примерно в 1934 году, после периода коллективизации. За краткий срок страна очень резко, можно даже сказать, до удивления резко изменилась, хотя знающим историю России в XX веке нет оснований особенно удивляться быстрой колоссальных перемен.

Так, 10(23) июня 1917 года Ленин на заседании Первого съезда Советов (большевики составляли там незначительное меньшинство – менее 10 процентов) объявил, что его партия готова взять власть в России. В 1930-х годах и позднее реакция эсеров-меньшевистского Съезда на это заявление изображалась в виде приступа бессильной злобы; между тем очевидец, известный литератор Вячеслав Полонский, вспоминал в 1927 году, «как в июне 1917 года Первый съезд Советов хохотал над заявлением Ленина... несколько минут, которые показались мне очень долгими, съезд не мог успокоиться от хлынувшего на него веселья». Однако не прошло и полгода, как «весельчаки» вынуждены были осознать свою полнейшую недалекость...

Скорее всего именно долгим хохотом встретили бы делегаты XVII съезда партии, избравшие 9 февраля 1934 года новый состав ЦК, чье-либо заявление о том, что в близком будущем почти две трети членов избранного ими верховного органа власти расстреляют «свои»... Но, повторяю, террор 1937 года – это только один из результатов совершавшейся с 1934 года политико-идеологической метаморфозы, хотя, конечно, наиболее поражающий ее результат...

* * *

Сосредоточение, даже, если прибегнуть к современному жаргонному словечку, «заклиненность» на фигуре Сталина фатально мешала и мешает увидеть реальное движение истории в 1930-х годах, – движение, о котором достаточно весомо и верно сказал, например, такой деятель и идеолог, как Л.Д. Троцкий. Речь идет о его книге «Преданная революция», законченной к началу августа 1936 года (то есть еще до 1937-го и до расстрела Зиновьева и Каменева 25 августа 1936 года) и издававшейся также под названием «Что такое СССР и куда он идет?» Троцкий считал эту книгу «главным делом своей жизни». Однако нынешних авторов, пишущих о 1930-х годах, как правило, интересуют другие сочинения Троцкого, написанные несколько позже, – сочинения, посвященные «разоблачению» личных пороков Сталина. Дело в том, что в левых кругах Запада в течение 1930-х годов все нарастал культ Сталина, Троцкого это крайне раздражало, и он стремился всячески дискредитировать своего победившего «соперника». Эти сочинения Троцкого гораздо более легковесны, чем «Преданная революция», о чем без обиняков говорится даже в апологетической книге Исаака Дойчера «Троцкий в изгнании», однако сегодняшние авторы, заклинившиеся на Сталине, ценят более всего именно «сталиниану» Троцкого.

В сочинении же «Преданная революция» Троцкий явно ставил перед собой задачу понять ход самой истории, а не личные сталинские «козни»:

«Достаточно известно, – совершенно верно писал он, – что каждая революция до сих пор вызывала после себя реакцию или даже контрреволюцию, которая, правда, никогда не отбрасывала нацию полностью назад, к исходному пункту... Жертвой первой же реакционной волны являлись, по общему правилу, пионеры, инициаторы, зачинщики, которые стояли во главе масс в наступательный период революции... Аксиоматическое утверждение советской литературы, будто законы буржуазных революций «неприменимы» к пролетарской, лишено всякого научного содержания».

И далее Троцкий конкретизировал понятия «реакция» и «контрреволюция» непосредственно на «материале» жизни СССР в середине 1936 года: «...вчерашние классовые враги успешно ассимилируются советским обществом... – писал он. – Ввиду успешного проведения коллективизации дети кулаков не должны отвечать за своих отцов»...» Мало того: «...теперь

и кулак вряд ли верит в возможность возврата его прежнего эксплуататорского положения на селе. Недаром же правительство приступило к отмене ограничений (это началось в 1935 году. — *В.К.*), связанных с социальным происхождением!» — восклицал в сердцах Троцкий.

Ныне об этой стороне дела уже мало кто знает, а между тем «ограничения» были чрезвычайно значительными. Так, например, в высшие учебные заведения принимались почти исключительно «представители пролетариата и беднейшего крестьянства». Выразителен в этом отношении написанный в октябре 1923 года «отчет» профессора Факультета общественных наук (ФОН) Московского университета В. Я. Брюсова — знаменитейшего тогда поэта, ставшего в 1920 году большевиком. В отчете речь шла, в частности, о «чистке» студенческого состава: «... принимался во внимание и момент социальный... результат чистки оказался, в общем, удачным. Надо признать, что в прошлом, 1922—1923-м, академическом году состав студенчества ФОНа оставлял многого желать... В текущем году это значительно изменилось. Что касается 1-го курса, то в текущем году состав его должен оказаться совершенно иным, так как принимались почти исключительно окончившие рабфаки» (то есть подготовительные «рабочие факультеты»).

Отказ от такого рода «ограничений» возмущал Троцкого, — хотя сам-то он вырос в весьма богатой семье... Резко писал он и о другом «новшестве» середины 1930-х годов: «По размаху неравенства в оплате труда СССР не только догнал, но и далеко перегнал (это, конечно, сильное преувеличение. — *В.К.*) капиталистические страны!.. трактористы, комбайнеры и пр., т. е. уже заведомая аристократия, имеют собственных коров и свиней... государство оказалось вынуждено пойти на очень большие уступки собственническим и индивидуалистическим тенденциям деревни...».

С негодованием писал Троцкий и о стремлении возродить в СССР семью: «Революция сделала героическую попытку разрушить так называемый «семейный очаг», т. е. архаическое, затхлое и косное учреждение... Место семьи... должна была, по замыслу, занять законченная система общественного ухода и обслуживания», — то есть «действительное освобождение от тысячелетних оков. Доколе эта задача не решена, 40 миллионов советских семей остаются гнездами средневековья... Именно поэтому последовательные изменения постановки вопроса о семье в СССР наилучше характеризуют действительную природу советского общества... Назад к семейному очагу!.. Торжественная реабилитация семьи, происходящая одновременно — какое providенциальное совпадение! — с реабилитацией рубля (имеется в виду денежная реформа 1935—1936 гг. — *В.К.*)... Трудно измерить глазом размах отступления!.. Азбука коммунизма объявлена «левацким загибом». Тупые и черствые предрассудки малокультурного мещанства возрождены под именем новой морали».

И другая сторона этой проблемы: «Когда жива была еще надежда сосредоточить воспитание новых поколений в руках государства, — продолжал Троцкий, — власть не только не заботилась о поддержании авторитета «старших», в частности, отца с матерью, но наоборот, стремились как можно больше отделить детей от семьи, чтобы оградить их от традиций косного быта. Еще совсем недавно, в течение первой пятилетки (то есть в 1929—1933 годах. — *В.К.*), школа и комсомол широко пользовались детьми для разоблачения, устыжения, вообще «перевоспитания» пьянствующего отца или религиозной матери... этот метод означал потрясение родительского авторитета в самых его основах. Ныне и в этой немаловажной области произошел крутой поворот: наряду с седьмой (о грехе прелюбодеяния. — *В.К.*) пятая (о почитании отца и матери. — *В.К.*) заповедь полностью восстановлена в правах, правда, еще без бога... Забота об авторитете старших повела уже, впрочем, к изменению политики в отношении религии... Ныне штурм небес, как и штурм семьи, приостановлен... По отношению к религии устанавливается постепенно режим иронического нейтралитета. Но это только первый этап...».

Наконец, возмущался Троцкий, «советское правительство... восстанавливает казачество, единственное милиционное формирование царской армии (имелось в виду постановле-

ние ЦИК СССР от 20 апреля 1936 года. – *В.К.*)... восстановление казачьих лампасов и чубов есть, несомненно, одно из самых ярких выражений Термидора! Еще более оглушительный удар нанесен принципам Октябрьской революции декретом (от 22 сентября 1935 года. – *В.К.*), восстанавливающим офицерский корпус во всем его буржуазном великолепии... Достоин внимания, что реформаторы не сочли нужным изобрести для восстанавливаемых чинов свежие названия (в сентябре 1935 года были возвращены отмененные в 1917-м звания «лейтенант», «капитан», «майор», «полковник». – *В.К.*)... В то же время они обнаружили свою ахиллесову пяту, не осмелившись восстановить звание генерала». Впрочем, Троцкий, который был убит 20 августа 1940 года, успел убедиться в последовательности «реформаторов»: 7 мая 1940-го и генеральские звания были возрождены...

* * *

Итак, Троцкий определил поворот, совершавшийся в середине 30-х годов, как «контрреволюцию» (которая, помимо прочего, закономерно привела в конце концов к уничтожению массы революционных деятелей; Троцкий написал приведенные выше тексты еще до второго суда над группой Зиновьева – Каменева, обреченного ее на казни). Естественно может возникнуть вопрос о своего рода абсурде: в стране идут контрреволюционные изменения, а между тем репрессии квалифицируют именно как контрреволюционеров! Это было настолько общепринятым обвинением, что возникло даже ходовое словечко «каэры» (так произносилась аббревиатура «КР»). Но к вопросу об этом «абсурде» мы еще вернемся; рассмотрим сначала феномен «контрреволюции» 1930-х годов в освещении другого «наблюдателя».

В том же 1936 году, когда Троцкий писал о громадных изменениях, произошедших за краткий срок в СССР, о том же самом, но с прямо противоположной «оценкой» писал видный мыслитель Георгий Федотов, эмигрировавший из СССР осенью 1925 года, то есть сравнительно поздно (это обеспечило ему хорошее знание послереволюционного положения на родине). Он утверждал, что 1934 год начал «новую полосу русской революции... Общее впечатление: лед тронулся. Огромные глыбы, давившие Россию семнадцать лет своей тяжестью, подтаяли и рушатся одна за другой. Это настоящая контрреволюция, проводимая сверху. Так как она не затрагивает основ ни политического, ни социального строя, то ее можно назвать бытовой контрреволюцией. Бытовой и вместе с тем духовной, идеологической... право юношей на любовь и девушек на семью, право родителей на детей и на приличную школу, право всех на «веселую жизнь», на елку (в 1935 году было «разрешено» украшать новогодние – бывшие «рождественские» – елки, что я, тогда пятилетний, хорошо помню. – *В.К.*) и на какой-то минимум обряда – старого обряда, украшавшего жизнь, – означает для России восстание из мертвых...».

И далее: «Начиная с убийства Кирова (1 декабря 1934 г.) в России не прекращаются аресты, ссылки, а то и расстрелы членов коммунистической партии. Правда, происходит это под флагом борьбы с остатками троцкистов, зиновьевцев и других групп левой оппозиции. Но вряд ли кого-нибудь обманут эти официально пришиваемые ярлыки. Доказательства «троцкизма» обыкновенно шиты белыми нитками. Вглядываясь в них, видим, что под троцкизмом понимается вообще революционный, классовый или интернациональный социализм... Борьба... называется во всей культурной политике. В школах отменяется или сводится на нет политграмота. Взамен марксистского обществоведения восстанавливается история. В трактовке истории или литературы объявлена борьба экономическим схемам, сводившим на нет культурное своеобразие явлений... Можно было бы спросить себя, почему, если марксизм в России приказал долго жить, не уберут со сцены его полинявших декораций. Почему на каждом шагу, изменяя ему и даже издеваясь над ним, ханжески бормочут старые формулы?... Отрекаться от своей собственной революционной генеалогии – было бы безрассудно. Французская республика 150

лет пишет на стенах «Свобода, равенство, братство», несмотря на очевидное противоречие двух последних лозунгов самим основам ее существования»; и в самом деле – между богатыми собственниками и наемными рабочими и служащими нет ни «братства», ни «равенства»...

Характерно, что Георгий Федотов здесь же вспомнил о Троцком: «Революция в России умерла. Троцкий наделал много ошибок, но в одном он был прав. Он понял, что его личное падение (в 1927 году. – В.К.) было русским «термидором». Режим, который сейчас установился в России, это уже не термидорианский режим. Это режим Бонапарта», – то есть нечто подобное режиму ставшего в конце концов императором полководца Французской революции Наполеона.

Немаловажно, что единое понимание (правда, с совершенно разной «оценкой»!) происходившего в 1934—1936 годах было высказано двумя столь различными деятелями. Правда, оба они явно преувеличивали результаты «контрреволюционных» изменений, делая это опять-таки по разным причинам: Троцкий стремился как можно более решительно разоблачить «предательство» революции, а Федотов, напротив, – внушить надежду на «воскрешение» России, какой она была до революционного катаклизма. И то и другое стремления мешали объективному пониманию происходившего.

В рассуждениях Троцкого с очевидностью предстает «дурное» противоречие: он ведь сам заявил, что «каждая революция» сменялась «реакцией» или даже «контрреволюцией», то есть справедливо увидел в перевороте 1934—1936 годов воплощение неотменимой исторической закономерности, однако далее начал негодовать по поводу вполне «естественных» последствий этого поворота истории (определенное «восстановление» прошлого).

В свою очередь, Федотов совершенно уместно напомнил о ходе Французской революции, которая закономерно породила Наполеоновскую империю, однако тут же заговорил о возможности «восстания из мертвых» дореволюционной России, – хотя, как ему хорошо было известно, ни «бонапартизм», ни даже позднейшая реставрация монархии (в 1814 году) не смогли «отменить» основные результаты Французской революции (стоит, правда, отметить, что впоследствии Федотов «разочаровался» в совершившейся в СССР 1930-х годов, согласно его определению, «контрреволюции» и перестал усматривать в ней «восстание из мертвых» прежней России, – но это уже другой, особый вопрос).

При всех возможных оговорках и Троцкий, и Федотов были правы в основной своей мысли, – в том, что страна, начиная с 1934 года, переживала «контрреволюционный» по своему глубокому смыслу поворот.

Нельзя не задуматься о самом этом слове «контрреволюция». В устах Троцкого оно имело самый что ни есть «страшный» обличительный смысл, в то время как Федотова это слово явно не «пугало». Об этом необходимо сказать потому, что и до сего дня в массовом сознании «контрреволюция» воспринимается скорее «по-троцки», чем «по-федотовски», – хотя в истории нет ничего «страшнее» именно революций – глобальных катастроф, неотвратимо ведущих к бесчисленным жертвам и беспримерным разрушениям.

Господствовавшее в продолжении десятилетий прославление и Российской революции, и – что закономерно – любых революций вообще, посеяло прочное, но заведомо ложное представление о сущности этих катаклизмов. Беспощадность, которая была присуща всем революциям, когда они сталкивались с каким-либо сопротивлением, поистине не сравнима ни с чем. Вот типичные факты.

После победы Английской революции в 1648 году часть тогдашней Великобритании – Ирландия – не признала новой власти. Началась жесточайшая борьба, и в 1650 году, как констатируется в специальном исследовании, «английское командование прибегло... к таким средствам, как выкуривание (поджог мелкокошья) и голодная блокада (поджог и истребление всего, что могло служить повстанцам продовольствием)... После трех лет борьбы Ирландия к концу 1652 г. лежала в развалинах. Запустение страны было столь велико, что можно было проехать

десятки верст и не встретить ни одного живого существа... население Ирландии сократилось почти вдвое».

Через полтора года, во время Французской революции, примерно то же самое произошло в своеобразной области страны – Вандее, которая также сопротивлялась новой власти. Борьба с вандейцами «была чрезвычайно кровопролитной... по наивысшим оценкам, погиб 1 млн. человек (учитывая тогдашнее население Франции – примерно 25 млн. человек, – это было колоссальное количество. – В.К.)... целые департаменты обезлюдели».

В ходе Российской революции такая же ситуация имела место, например, в Области Войска Донского (ее и называли тогда «казацкой Вандеей»), где также погибла примерно половина населения... И, конечно, жертвы «контрреволюции» 1930-х годов несопоставимы в этом отношении с результатами революции: напомним, что в 1934—1938 годах погибло примерно в 30 раз (!) меньше людей, чем в 1918—1922 годах...

* * *

Впрочем, к этой теме мы еще вернемся. Сначала следует рассмотреть конкретные черты «контрреволюционного» поворота середины 1930-х годов.

Кардинально изменилось тогда само отношение к «дореволюционной» истории России. В 1930—1932 годах издавалась десяти томная Малая советская энциклопедия, в статьях которой, несмотря на их предельную лаконичность, все же нашлось место для всяческого поношения величайших исторических деятелей России:

«Александр Невский... оказал ценные услуги новгородскому торговому капиталу... подавлял волнения русского населения, протестовавшего против тяжелой дани татарам. «Мирная» политика Александра была оценена ладившей с ханом русской церковью: после смерти Александра она объявила его святым... Минин-Сухорук... нижегородский купец, один из вождей городской торговой буржуазии... Буржуазная историография идеализировала М.-С. как бесклассового борца за единую «матушку Россию» и пыталась сделать из него национального героя... Пожарский... князь... Ставший во главе ополчения, организованного мясником Мининым-Сухоруком на деньги богатого купечества. Это ополчение покончило с крестьянской революцией... Петр I... был ярким представителем российского первоначального накопления... Соединял огромную волю с крайней психической неуравновешенностью, жестокостью, запойным пьянством и безудержным развратом» и т. д. и т. п.

Начиная с 1934 года об этих русских деятелях заговорили совершенно по-иному, и вскоре вся страна восхищенно воспринимала апофеозные кинопоэмы «Петр Первый» (1937), «Александр Невский» (1938), «Минин и Пожарский» (1939), «Суворов» (1940) и др.

Нельзя не вспомнить и о том, что в 1929—1930 годах по обвинению в «монархическом заговоре» и других подобных грехах было арестовано большинство виднейших историков России разных поколений – С.В. Бахрушин, С.К. Богоявленский, С.Б. Веселовский, Ю.В. Готье, Б.Д. Греков, В.Г. Дружинин, А.И. Заозерский, Н.П. (не путать с Д.С.) Лихачев, М.К. Любавский, В.И. Пичета, С.Ф. Платонов, С.В. Рождественский, Б.А. Романов, Е.В. Тарле, Л.В. Черепнин, А.И. Яковлев и многие другие. Но всего через несколько лет все они – за исключением Любавского, Платонова и Рождественского, которые, увы, не дожили до освобождения – не только возвратились к работе, но и были вскоре удостоены самых высоких почестей и наград. К этому следует добавить, что почти все «обвинители» С.Ф. Платонова и других, начиная от воинствующих марксистских историков Г.С. Фридлянда и М.М. Цвибака и кончая руководителями ОГПУ и ЦКК ВКП(б) Я.С. Аграновым и Я.Х. Петерсом были в 1937—1938 годах репрессированы. Поистине символическим актом явилось переиздание в том же 1937 году основного труда скончавшегося в 1933-м главного обвиняемого, С.Ф. Платонова, и избрание

в 1939 году недавних «врагов» Ю.В. Готье действительным членом и С.В. Бахрушина – членом-корреспондентом Академии наук...

Конечно, коренная перемена в отношении власти к дореволюционной истории (и, соответственно, историкам) – это только одна сторона поворота, о котором идет речь, и для воссоздания полной картины пришлось бы подробно говорить чуть ли не обо всех областях и аспектах жизни страны в 1934—1936 годах.

Но в данном случае важнее всего понять, что столь масштабный и многосторонний поворот неверно, даже нелепо рассматривать как нечто совершившееся по личному замыслу и воле Сталина. Как уже говорилось, позднее тот же Троцкий, стремясь переломить нараставшие тогда симпатии левых кругов Запада к Сталину, приписывал его личным усилиям чуть ли не все, что происходило в 1930-х годах в СССР. Об этом критически говорится в восторженном в целом жизнеописании Троцкого, принадлежащем Исааку Дойчеру, который, в частности, считал нужным написать: «Апологетам Сталина... Троцкий отвечал с таким гневом, который, хотя был и оправдан, выставлял его фольклорным злоумышленником», – то есть сочинителем «сказок» в духе упомянутого выше «Тараканища».

Но это, повторяю, было попыткой остановить рост культа Сталина на Западе. На деле же Троцкий был, конечно, много умнее, и в своем дневнике (который был опубликован лишь в 1986 году) вполне обоснованно записал еще 18 февраля 1935 года, что «победа... Сталина была предопределена. Тот результат, который зеваки и глупцы (позже он сам в сущности присоединился к таковым! – В.К.) приписывают личной силе Сталина, по крайней мере его необыкновенной хитрости, был заложен глубоко в динамику исторических сил. Сталин явился лишь полубессознательным выражением второй главы революции, ее похмелья».

Впрочем, и в своем опубликованном в 1936 году сочинении «Преданная революция» Троцкий, ставя вопрос, «почему победил Сталин?», ответил так (эти слова уже цитировались): «Каждая революция вызывала после себя реакцию или даже контрреволюцию», – то есть суть дела заключалась в закономерном ходе истории после любой революции, а не в «индивидуальной» идеологии и политике Сталина, который, правда, сумел так или иначе понять реальную «динамику исторических сил».

Эту «динамику», как видим, понимал и сам Троцкий, но он – в сущности, противореча своему собственному верному «диагнозу», – оценивал закономерный отказ от крайних разрушительных последствий революционного катаклизма безоговорочно отрицательно. Он явно жаждал все более интенсивного «углубления» революционной «переделки» жизни, в конце концов – полного уничтожения складывавшегося в течение столетий бытия России, пытаясь приписывать это устремление большинству ее населения, которое будто бы возмущалось явлениями «реставрации».

В противовес Троцкому Георгий Федотов (который, как мы помним, сам был в свое время, до революции, членом РСДРП) писал в том же 1936 году: «Россия, несомненно, возрождается материально, технически, культурно... Одно время можно было бояться, что сознательное разрушение семьи и идеала целомудрия со стороны коммунистической партии загубит детей. Мы слышали об ужасающих фактах разврата в школе, и литература отразила юный порок. С этим, по-видимому, теперь покончено... Школы подтянулись и дисциплинировались. Нет, с этой стороны русскому народу не грозит гибель... Строится, правда, очень элементарное, но уже нравственное воспитание. Порядок, аккуратность, выполнение долга, уважение к старшим, мораль обязанностей, а не прав – таково содержание нового послереволюционного нравственного кодекса. Нового в нем мало. Зато много того, что еще недавно клеймилось как буржуазное... В значительной мере реставрировано десятословие (то есть десять христианских заповедей, – что, в противоположность Троцкому, Федотов приветствует. – В.К.). Правда, по-прежнему с приматом социального, с принесением лица в жертву обществу, но и лицо уже имеет некоторый малый круг, пока еще плохо очерченный, своей жизни, своей этики: дружбы,

любви, семьи. И тот коллектив, которому призвана служить личность, уже не узкий коллектив рабочего класса – или даже партии, а нации, родины, отечества, которые объявлены священными. Марксизм – правда, не упраздненный, но истолкованный – не отравляет в такой мере отроческие души философией материализма и классовой ненависти. Ребенок и юноша поставлены непосредственно под воздействие благородных традиций русской литературы. Пушкин, Толстой – пусть вместе с Горьким – становятся воспитателями народа. Никогда еще влияние Пушкина в России не было столь широким. Народ впервые нашел своего поэта. Через него он открывает собственную свою историю. Он перестает чувствовать себя голым зачинателем новой жизни, будущее связывается с прошлым. В удушенную рационализмом, технически ориентированную душу вторгаются влияния и образы иного мира, полнозвучного и всечеловечного, со всем богатством этических и даже религиозных эмоций. Этот мир уже не под запретом».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.